

Ирина Даневская

**ПУТЬ
К ВЛАСТИ**



Всемирная история в романах

Ирина Даневская

Путь к власти

«Автор»

2011

Даневская И.

Путь к власти / И. Даневская — «Автор», 2011 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-9533-5625-1

XVII век. Европу уже накрыла тень Тридцатилетней войны, вызванная вековым противостоянием католической и реформаторской церкви. Но ведущие европейские государства – Франция, Англия и Испания, жаждущие мирового господства, еще не вступили в открытую схватку и только интригуют друг против друга, нащупывая слабые места противника... Сестра короля Франции Людовика XIII, принцесса Генриетта-Мария, из маленькой девочки превращается в ослепительную красавицу, наделенную тонким умом и амбициями. Понимая, что королевское происхождение не гарантирует ей ни удачного замужества, ни любви, юная принцесса сама устраивает свою судьбу, выйдя замуж за короля Англии. Но быть королевой и управлять государством – увы, не одно и то же, а блистательный герцог Бэкингемский, ее первый министр, не намерен делиться властью...

ISBN 978-5-9533-5625-1

© Даневская И., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Глава 1. Знакомство	6
Глава 2. Первая любовь	14
Глава 3. Вальденсы[28]	18
Глава 4. Тень Ришелье	27
Глава 5. Жребий брошен	32
Глава 6. Отец Жозеф	36
Глава 7. Неожиданный союзник	39
Глава 8. Телохранители	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ирина Даневская

Путь к власти

©Даневская И., 2011

©ООО «Издательский дом «Вече», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Всем, влюбленным в историю,
Особенно тем, кто не успел ее полюбить.
Автор*

Глава 1. Знакомство

– Быть дочерью короля и быть счастливой невозможно, – однажды утром заявила юная принцесса Генриетта-Мария Французская¹ своим придворным дамам. – Да, да, и не смотрите на меня так. Я несчастнее любой простолюдинки. Каждая из них может выйти замуж за любимого человека, а я не могу даже встретиться с графом д’Эгмоном, не опасаясь за его жизнь!

Принцесса гневно тряхнула головой, отгоняя мрачные мысли, отчего ее густые темные волосы растрепались. Фрейлины, которые все утро укладывали эти непокорные кудри, дружно ахнули. Прическа Ее Высочества была безнадежно испорчена, так что нужно было начинать все сначала.

– Не нужно так расстраиваться, моя принцесса, – пожала плечами Мари-Мадлен де Витри, одна из придворных дам Генриетты. – Вот выйдете замуж, и Его Величество, ваш брат, потеряет к вам всякий интерес. Живите тогда в свое удовольствие, встречайтесь с графом д’Эгмоном и будьте счастливы.

– Да, – вздохнула Генриетта, – так и будет.

Шел 1624 год. Дочери великого короля Франции Генриха IV² и Марии Медичи³ было всего лишь пятнадцать лет. Постороннему человеку миниатюрная и хрупкая принцесса казалась маленькой девочкой, но лишь до тех пор, пока она не устремляла на него пронзительный взгляд своих жгучих черных глаз. Огонь, горевший в них, мог разжечь пламя и в ледяном сердце...

Генриетта была еще младенцем, когда ее отец, Генрих IV, погиб, сраженный кинжалом убийцы, подосланного то ли иезуитами, то ли, как шептали злые языки, его собственной супругой. Марии Медичи удалось заполучить регентство, но она, увы, оказалась бездарной правительницей, доверив власть в стране своему любовнику, итальянскому проходиму Кончини⁴. Наглость и несносный характер фаворита переполнили чашу терпения даже флегматичного Людовика XIII⁵. Итальянец был убит, королева-мать отправлена в ссылку, но государственные дела не привлекали молодого короля. Править Францией стал его любимец, герцог де Люинь⁶, и делал это так успешно, что вскоре народ с ностальгией вспоминал времена Кончини. Да, французская алчность оказалась хуже итальянской наглости...

К счастью для Франции, ненавистный временщик умер. А в государственном совете появился новый любимец Марии Медичи – молодой и красноречивый Арман дю Плесси, епи-

¹ Генриетта-Мария Французская (25 ноября 1609 – 10 сентября 1669) – младшая дочь французского короля Генриха IV и Марии Медичи, выданная замуж в 1625 году за Чарльза I Стюарта, короля Англии, Шотландии и Ирландии. Мать двух английских монархов (Чарльза II и Джеймса II).

² Генрих IV Бурбон (Генрих Наваррский, Генрих Великий, фр. Henri IV, Henri le Grand, Henri de Navarre; 13 декабря 1553, По, Беарн – убит 14 мая 1610 г., Париж) – лидер гугенотов в конце Религиозных войн во Франции, король Наварры с 1572 года, король Франции с 1589 года, основатель французской королевской династии Бурбонов.

³ Мария Медичи (итал. Maria de' Medici, фр. Marie de Médicis; 26 апреля 1575, Флоренция – 3 июля 1642 г., Кёльн) – королева Франции, дочь великого герцога Франческо I Тосканского. В 1600 г. вышла замуж за Генриха IV Французского. После его смерти в 1610 г. – регентша Франции до 1617 г.

⁴ Кончино Кончини (итал. Concino Concini; 1575, Флоренция – 24 апреля 1617 г., Париж) – итальянский авантюрист, фаворит французской королевы Марии Медичи, носивший титулы графа делла Пенна и маршала д’Анкара. Он был самым влиятельным человеком во Франции в течение семи лет, последовавших за гибелью в 1610 г. супруга Марии, Генриха IV. Был убит гвардейским капитаном де Витри в результате заговора.

⁵ Людовик XIII Справедливый (фр. Louis XIII le Juste; 27 сентября 1601 г., Фонтенбло – 14 мая 1643 г., Сен-Жермен-ан-Лэ) – король Франции с 14 мая 1610 г. Из династии Бурбонов. Вступил на престол в возрасте 8 лет после убийства отца – Генриха IV.

⁶ Шарль д’Альбер герцог де Люинь (Charles d’Albert; 5 августа 1578 – 15 декабря 1621) – фаворит французского короля Людовика XIII, который ради него восстановил упраздненное звание коннетабля Франции и сделал его первым герцогом де Люинем (фр. duc de Luynes). Самый могущественный человек во Франции в 1617–1621 гг. Был женат на Мари де Роган, будущей герцогине де Шеврез.

скоп Люсонский⁷. Вскоре выяснилось, что фиолетовый цвет молодому человеку решительно не к лицу. Пришлось королеве-матери добывать для него кардинальскую шапку.

Потом Мария Медичи уверяла, что господин дю Плесси получил такую награду за услуги, оказанные королю. Но придворные, не понаслышке знакомые со скупостью Людовика, только смеялись.

– Усердие в спальне королевы, – говорили они, – всегда вознаграждалось лучше...

В красном одеянии он и вошел в историю. С этой минуты кардинал Ришелье крепко взял в свои руки власть в стране и не выпускал ее до самой своей смерти.

Брат и мать Генриетты были слишком заняты своими делами, и потому юная принцесса росла на попечении воспитателей, без родительской любви и заботы. Должно было произойти чудо, чтобы из тихого запуганного ребенка выросла умная и хитрая красавица...

– А ведь я действительно была робкой и застенчивой, – улыбнулась Генриетта своему отражению в зеркале, наблюдая, как Мари-Мадлен ловко укладывает ее непослушные локоны. – Была, пока не появился он, Арман д'Эгмон, граф Ла Рош-Гюйон.

Шум из соседней комнаты прервал ее приятные грезы.

– Что там происходит? – удивилась принцесса, прислушиваясь к приглушенным возгласам и тщетно сдерживаемым рыданиям, доносившимся из приемной.

Портьера всколыхнулась, пропуская внутрь бравого молодого дворянина. Он ворвался в будуар принцессы с таким решительным видом, словно собирался бросить вызов целой неприязнительской армии. Следом за ним вбежала красивая белокурая девушка, еле сдерживая слезы.

– Подождите, Бутвиль⁸, – всхлипывая, прошептала она. – Я не смогу ей сказать. Генриетта этого не переживет...

– Я сам скажу, – вздохнул молодой человек, – хотя, видит бог, я бы предпочел поединок с десятью противниками... А, все равно...

Он не договорил, потому что Генриетта поднялась, решительно отмахнувшись от фрейлин, которые пытались закончить прическу.

– Бутвиль? Что вы здесь делаете? – удивилась она.

– Это я провела графа, Ваше Высочество, – вмешалась Элен де Сент-Люс (так звали девушку). – У него важные новости...

Она беспомощно посмотрела на Франсуа, не решаясь продолжить.

– Так говорите ваши новости, сударь, – улыбнулась Генриетта. – Знаю, вы опять дрались на дуэли! Только поединок смог бы вас поднять в такую рань.

Она притворно нахмурилась, еле сдерживая улыбку, но Бутвилю было не до смеха.

– Граф д'Эгмон убит, – тихо сказал он.

– Что? – еле слышно произнесла Генриетта. – Что вы сейчас сказали?

Она перевела взгляд на Элен, предлагая ей удостовериться в слабоумии де Бутвиля, но девушка уже не сдерживала слез, а всегдашний забияка был как никогда серьезен.

– Боже мой! – прошептала принцесса. – Нет, это не правда. Нет!

– Я собирался драться с де Ту сегодня утром. Арман должен был быть моим секундантом, – быстро заговорил Бутвиль, видимо, боясь растерять остатки храбрости при виде ее

⁷ Арман Жан дю Плесси, герцог де Ришелье, Кардинал Ришелье, прозвище «Красный кардинал» (фр. Armand-Jean du Plessis, duc de Richelieu; 9 сентября 1585 г., Париж – 4 декабря 1642 г., Париж) – французский кардинал, аристократ и государственный деятель. Был государственным секретарём с 1616 г. и главой правительства («главным министром короля») с 1624 г. до своей смерти. В основу своей политики Ришелье положил выполнение программы Генриха IV: укрепление государства, его централизация, обеспечение главенства светской власти над церковью и центра над провинциями, ликвидация аристократической оппозиции, противодействие испано-австрийской гегемонии в Европе. Главный итог государственной деятельности Ришелье состоит в утверждении абсолютизма во Франции.

⁸ Франсуа де Монморанси-Бутвиль (1600—21.6.1627), французский дворянин, заядлый дуэлянт. Был участником 22 дуэлей. 12 мая 1627 г. Бутвиль дрался на дуэли в Париже с Франсуа д'Аркуром, маркизом де Бевроном, после которой был казнен.

помертвевшего лица. – Перед поединком я заехал за ним, но слуги сообщили, что не видели д’Эгмона со вчерашнего вечера. Но вчера вечером я доставил графа домой и своими глазами видел, как тот вошел в открытую дверь! Я вошел в дом, но не пробыл там и пяти минут, как прибежал слуга и заявил, что обнаружил тело д’Эгмона в саду. Я бросился в указанном направлении. Увы! Малый не солгал – Арман был убит ударом шпаги. Я сразу же помчался к вам, забыв о дуэли, так что мой противник сможет ославить меня трусом на весь Париж.

Бутвиль пытался шутить, но осекся, увидев бледное лицо принцессы. Остекленевшим взглядом она смотрела куда-то в пустоту... Генриетта думала о человеке, которого любила, и эти воспоминания, такие близкие и прекрасные, вызвали улыбку на ее лице и ужас у всех присутствующих, поскольку они не могли понять, что в такую минуту могло заставить принцессу улыбаться...

Жан-Арман д’Эгмон, граф де Ла Рош-Гюйон, был красивым мужчиной лет тридцати. Он выгодно отличался от других придворных щеголей своими манерами и образованностью и не нажил себе сколь-нибудь серьезных врагов только потому, что, будучи одним из лидеров протестантской партии⁹, возглавляемой принцами Конде и де Роаном, редко бывал при дворе. А смерть жены и дочери превратила этого веселого и жизнерадостного мужчину почти в отшельника. Но видя возрастающую силу королевской власти, авторитет которой укреплялся с того дня, как Арман-Жан дю Плесси стал кардиналом Ришелье, граф принял решение вернуться ко двору.

Не всем такое решение пришлось по душе. Мария Медичи, помня прежнюю наглость и несносность Конде, от которой принца не излечила даже Бастилия¹⁰, встретила его друга презрительной гримасой. Что касается короля Людовика XIII, то его скучная физиономия ничуть не изменилась, разве что стала еще угрюмей. О реакции кардинала Ришелье граф пока затруднялся сказать что-то определенное, но действенные меры министра по ослаблению Нантского эдикта¹¹ очень беспокоили Ла Рош-Гюйона, и он дал себе слово держать ухо востро.

После визита к августейшим особам Арман решил немного прогуляться по прекрасному саду Люксембургского дворца¹², построенного для королевы-матери по примеру Палаццо Питти во Флоренции¹³, где она выросла. Выйдя к фонтану Медичи¹⁴, который стал популярным местом свидания влюбленных, граф столкнулся с бароном де Ту.

– Друг мой, вас ли я вижу! – воскликнул тот. – Неужели святой Арман почтил нас, грешных, своим визитом?

– Филипп, – рассмеялся д’Эгмон. – Вы не изменились!

⁹ Протестантизм или протестантство (от лат. protestans, под. п. protestantis – публично доказывающий) – одно из трех, наряду с католичеством и православием, главных направлений христианства, связанное своим происхождением с Реформацией – широким антикатолическим движением XVI в. в Европе. Во Франции протестантов называли гугенотами.

¹⁰ Бастилия (фр. la Bastille, историческое название la Bastille Saint-Antoine) – изначально крепость, построенная в 1370–1381 гг., позже – государственная тюрьма в Париже. В начале Великой французской революции 14 июля 1789 г. была взята революционно настроенным населением и через год разрушена.

¹¹ Нантский Эдикт – закон, даровавший французским протестантам-гугенотам вероисповедные права. Издание эдикта завершило тридцатилетний период Религиозных войн во Франции и положило начало столетию относительного мира, известного как «великий век». Эдикт был составлен по приказанию французского короля Генриха IV и утвержден в Нанте (13 апреля 1598 г.). Отменен Людовиком XIV в 1685 г.

¹² Люксембургский дворец (фр. Palais du Luxembourg) – дворец в стиле барокко, построенный для Марии Медичи в 1615–1631 гг. в Люксембургском саду в Париже, на месте усадьбы покойного герцога Пине из рода Люксембургов (отсюда и название).

¹³ Палаццо Питти (итал. Palazzo Pitti) – резиденция Великих герцогов Медичи во Флоренции.

¹⁴ Фонтан Медичи (1624) – фонтан, построенный архитектором Саломоном де Броссу, выполнен в итальянском стиле. До сих пор считается самым романтическим фонтаном Парижа и находится в одном из самых притягательных уголков Люксембургского сада.

– Время щадит меня, – вскричал барон, раскрывая объятие. – Зато вы изменились, граф! И, разрази меня гром, если скоро среди придворных дам не разразится сердечная болезнь... под названием «граф Ла Рош-Гюйон»... Но, так как вы спустились с небес на землю, я с превеликим удовольствием поспособствую эпидемии. И не торопитесь меня благодарить! – вскричал этот неугомонный повеса, видя, что д'Эгмон собирается возразить. – Как вам вон та красавица?

Арман безразлично обернулся.

– Вы говорите о даме в жёлтом платье? – поинтересовался он.

– Кто? А, вдова маркиза Ракио! Интересная штучка, правда, ноги у нее ужасно кривые и волосатые.

– Так-так, господин барон, я вижу, вы уже побывали на этом бастионе, – подмигнул д'Эгмон.

– Вы угадали, друг мой, – приосанился кавалер, – но о ногах маркизы двор узнал не от меня, а благодаря шутке де Мюссе, который пожелал отомстить ей за пренебрежение. Не придумав ничего лучшего, шевалье заплатил уличным бродягам, и те подстерегли мадам возле церкви. Они так настойчиво требовали милостыню, что оборвали ей юбку на глазах у придворных сплетниц. Бедняжке пришлось месяц отсиживаться в провинции, так как наши остроумные парижане мгновенно сочинили куплеты, которые распевались на всех углах... Но нет, с ней я вас знакомить не буду, у меня есть кое-кто получше... Ждите здесь, я сейчас!

И де Ту исчез в толпе придворных. Д'Эгмон, пожав плечами, решил подождать друга в привлекательной тени деревьев. Он свернул на боковую аллею, ведущую в глубь парка, но, не пройдя и десятка метров, заметил плачущую девушку, одетую в роскошно-нелепое красное платье. Воспитание, а может, и любопытство, не позволило Арману пройти мимо.

Я могу вам чем-то помочь, сударыня?

Девушка подняла на молодого человека залитые слезами глаза. Граф увидел, что она очень юная, почти ребенок, а ее удивительную красоту не смогли испортить ни слезы, ни ужасная прическа.

Все в порядке, сударь, это просто нервы.

– Такая красавица не должна плакать, – д'Эгмон достал свой платок и осторожно промокнул слезы на ее розовых щеках.

Девушка несмело улыбнулась.

Вам очень идет улыбка. Прошу вас, улыбнитесь еще, – попросил Арман.

Красавица не успела ответить, обернувшись на гневный оклик.

Ваше Высочество, вот вы где!

Арман увидел направлявшуюся к ним дородную даму. Ее решительный вид мог испугать кого угодно, но наш герой был не из робкого десятка.

– Что вы себе позволяете, сударь? – набросилась она на д'Эгмона. – Вы разговариваете с Ее Высочеством Генриеттой Французской.

– Все в порядке, графиня, – вступилась принцесса, – шевалье просто предложил свою помощь.

– Молчите, сударыня, и идемте со мной, иначе я расскажу о ваших выходках Ее Величеству королеве-матери. Немедленно, – она схватила Генриетту за руку и с силой потащила за собой.

Возмущенный такой грубостью, Арман перегородил ей дорогу.

– Вы забываетесь, сударыня!

Графиня Дессанж смерила его надменным взглядом и, не удостоив ответом, повернулась к принцессе:

– Следуйте за мной, Ваше Высочество.

Принцесса сделала шаг в ее сторону, но наткнулась на гневный взгляд д'Эгмона и осталась на месте.

– Так, хорошо, королева-мать узнает обо всем и сейчас же. – графиня повернулась к Ла Рош-Гюйону: – Вижу, сударь, вы недавно представлены ко двору. Смею надеяться, здесь вас научат хорошим манерам.

– Я сам готов быть учителем, – улыбнулся граф. – И если вам, мадам, нужна моя помощь, то прошу вас, не стесняйтесь.

Оскорбленная фрейлина предпочла гордо удалиться.

Растерянная принцесса осталась стоять.

– Я должна идти, королева рассердится.

– Почему вы позволяете этой гусыне так с собой обращаться? – воскликнул Арман. – Вы – французская принцесса, она должна трепетать перед вами, а вы... – он запнулся, подбирая слова.

– Так всегда было, сколько я себя помню, они все такие, – пожаловалась Генриетта, указывая на придворных дам, которые стояли поодаль, не спуская с них глаз, но не решались подойти.

– Я ведь дал отпор этой старой курице, и она ушла, а ведь во мне не течет королевская кровь. Простите, Ваше Высочество, – опомнился граф, – я не должен так разговаривать с вами.

– Наверное, – улыбнулась Генриетта.

Она внимательнее посмотрела на д'Эгмона, и ее испугал огонь, горевший в его черных, как угли, глазах. Его тщательно уложенные локоны разметались, щеки пылали.

«Он очень красив», – подумала Генриетта, и ей отчего-то стало грустно.

Возникшая пауза позволила принцессе собраться с мыслями, а д'Эгмону совершенно их растерять – так его поразила необыкновенная красота этой девочки.

– Кто вы? – спросила Генриетта, когда молчать стало уже неловко.

– Арман д'Эгмон, граф де Ла Рош-Гюйон, к услугам Вашего Высочества.

– Вы сказали, что я красива, – она несмело посмотрела на него, не решаясь продолжать.

– Очень, – он улыбнулся, пожирая ее взглядом. – Я не встречал ни одной женщины прекраснее вас.

– Зачем вы смеетесь, я же знаю, что ничуть не красива, – она повернулась и убежала так быстро, что граф даже не успел откланяться.

Арман увидел, как придворные дамы попытались перехватить Ее Высочество, но она вырвалась.

– А, друг мой, вот вы где... – прозвучал совсем рядом насмешливый голос де Ту. – Чем вы так напугали принцессу?

– Да так, ничем, – невпопад ответил д'Эгмон. – Она очаровательна.

– Друг мой, оставьте это. Генриетта Французская – сестра короля, и вы, прельстившись ее прекрасными глазами, вместо удовольствия получите кучу неприятностей.

– Кто посмел ее убедить, что она некрасива? – гневно воскликнул Арман, не понимая, что говорит и зачем.

– Ребенком она была довольно нескладной. Королева-мать не любит ее, впрочем, как и остальных своих детей, за исключением Гастона... Да что с вами, граф? Придите в себя!

– Все в порядке, – произнес д'Эгмон, наконец-то взяв себя в руки. – Проклятая жара...

– Ах да, воздух Ла-Рошели¹⁵ значительно прохладнее, – рассмеялся де Ту. – Я пытался отыскать мадемуазель д'Олонэ, но проклятые придворные хлыщи увели ее у вас. Но все еще можно поправить...

¹⁵ Ла-Рошель (фр. La Rochelle) – портовый город на западе Франции на побережье Бискайского залива. В эпоху Возрождения Ла-Рошель открыто приняла идеи Реформации и с 1568 г. стала центром гугенотов, что подарило городу непродолжи-

– Что это? – перебил его Арман, которого красавица д’Олонэ сейчас интересовала меньше всего.

Он наклонился и поднял небольшой драгоценный медальон, который лежал возле скамейки, где раньше сидела принцесса.

– Ого, друг, у тебя появился повод оказать Ее Высочеству маленькую услугу, – засмеялся де Ту, – но послушай доброго совета, приударь лучше за баронессой...

Несмотря на справедливые замечания друга, граф твердо решил увидеться с принцессой. Поводом для встречи должен был служить найденный им медальон...

Прошло немало времени, прежде чем Арман решился испросить аудиенции у Ее Высочества. После нечаянной встречи в саду они виделись еще два или три раза, но даже не смогли обменяться несколькими словами. Граф с головой окунулся в политику. Ришелье уже не скрывал своих планов по аннексии протестантских крепостей, и Ла Рош-Гюйон пытался смягчить удар, выступая посредником между принцем Субизом¹⁶ и отцом Жозефом, между принцем Конде¹⁷ и Ришелье, между герцогом Тремуйлем¹⁸ и королевой-матерью. И его хлопоты были не бесполезны. Во всяком случае, д’Эгмону удалось отсрочить начало военных действий на два года...

Так что прошло немало времени, прежде чем Мари-Мадлен де Витри, фрейлина Генриетты, передала принцессе просьбу графа о свидании. Принцесса густо покраснела, пробормотала что-то бессвязное и, наконец, еле слышно согласилась его принять.

Арман уже успел стяжать репутацию самого завидного жениха при дворе, исключая, конечно, брата короля. Он сумел завоевать уважение Ришелье и обзавестись полезными знакомствами. Но сейчас, идя на свидание с этой девочкой, граф почему-то волновался.

Маленькая принцесса чувствовала себя не намного увереннее. При дворе уже громко говорили о д’Эгмоне, и каждый раз, слушая очередную сплетню, Генриетта густо краснела, вспоминая обстоятельства их первой встречи.

«Что же он подумал обо мне? – в десятый раз спрашивала она себя. – Наверняка, принял за капризного ребенка. Так и есть. И он прав. Тысячу раз прав. Разве можно уважать принцессу, которой помыкают ее фрейлины? Нет. Но он сказал, что я красива... Неужели я и вправду красива?»

И маленькая принцесса, подбежав к зеркалу, украдкой рассматривала себя, мысленно сравнивая с признанными придворными красавицами. И каждый раз расстраивалась, убеждаясь, что сравнение, увы, не в ее пользу...

Да по-другому и быть не могло. Мадам Дессанж, наставница принцессы, не отличалась хорошим вкусом, и благодаря ее стараниям Генриетта, наглухо упакованная в помпезные робы, делавшие ее худенькую фигурку совсем плоской, выглядела ужасно. Высокая «испанская прическа», созданная, чтобы добавить принцессе хоть несколько дюймов роста, совершенно не шла ей, а туфли на слишком высоких каблуках делали ее походку неровной, прихрамывающей. И, наконец, вошедшие в моду желтые кружева, обилие румян и белил делали эту очаровательную девушку похожей на восковую куклу.

Такое пренебрежение объяснялось просто – младшая дочь великого короля росла в тени старших братьев и сестер. Мария Медичи, озабоченная своими любовными интригами

тельный период процветания и мира. После того как солдаты Ла-Рошели 10 сентября 1627 г. вступили в бой против королевских французских войск, король Людовик XIII приказал начать осаду Ла-Рошели, которая закончилась ее взятием в 1628 г.

¹⁶ Бенжамен де-Роган, барон де-Фронтенэ (1583–1642) носил титул принца де Субиза. Был одним из предводителей гугенотов во Франции.

¹⁷ Анри де Бурбон, принц де Конде (Henri de Bourbon, Prince de Conde, 1588–1646) – кузен короля Людовика XIII, глава протестантской партии во Франции. Если бы прервалось потомство Генриха IV Бурбона, следующим претендентом на корону становился Конде.

¹⁸ Генрих де Ла Тремуйль (1598–1674), третий герцог Туара, видный деятель протестантской партии во Франции.

и стремлением удержать власть, совершенно не занималась воспитанием детей. Поэтому даже король Людовик XIII до конца своих дней так и не выучился грамотно писать и с трудом мог произнести более-менее внятную речь, так как вместо занятий по грамматике и риторике изучал охотничье искусство, кузнечное и слесарное дело. Занятия, конечно, весьма полезные, но малопригодные для управления государством...

Но Генриетте повезло больше. Ее первая наставница, мадам де Ланнуа, была дамой набожной и образованной. Поэтому принцессе помимо грамматики удалось сносно овладеть даже латынью. Вот только светской науке молодая девушка не была обучена. К тому же, как младшую дочь короля, ее никто не воспринимал всерьез. Было решено, что она выйдет замуж за своего кузена, графа Суассона¹⁹, тогда как обеим ее старшим сестрам, принцессам Кристине и Елизавете, еще в младенчестве были обещаны королевские короны...

Как нелюбимая дочь и сестра, незаметная принцесса Генриетта Французская была представлена на попечение вздорной и глупой мадам Дессанж. Девочка сразу же возненавидела новую наставницу и неудивительно – мадам даже не пыталась хоть как-то завоевать расположение своей подопечной. До встречи с Ла Рош-Гюйоном Генриетта не пыталась протестовать. Но теперь, униженная в глазах понравившегося ей молодого человека, она не собиралась больше молчать.

И когда Мария Медичи, разгневанная рассказом мадам Дессанж, принялась выговаривать дочери за ее поведение, всегда молчаливая и покорная принцесса пожаловалась брату. А Людовик, неожиданно для королевы-матери, принял сторону сестры, и не только избавил ее от надоевшей опеки графини, но и разрешил самой подбирать себе фрейлин.

Это была настоящая победа, хотя Генриетта пока этого и не осознавала. Теперь в ее свиту вошли молодые девушки, ее сверстницы, среди которых сразу выделились трое – ее подруги по детским играм Элен де Сент-Люс, Катрин де Монсо и Мари-Мадлен де Витри. Элен и Кэтти были очаровательными светловолосыми и голубоглазыми девушками, похожими друг на дружку, как сестры. Черноволосая и черноглазая Мари-Мадлен была одной из красивейших девушек королевского двора. Понимая, что все ее богатство заключается в красоте, мадемуазель де Витри твердо знала, чего хочет от жизни. Она была благодарна Генриетте, ведь если бы не назначение фрейлиной, ей пришлось бы вернуться в провинцию, так как для пребывания при дворе нужны были деньги...

Именно к Мари-Мадлен и обратился наш настойчивый герой с просьбой устроить ему свидание с принцессой.

Генриетта приняла его в будуаре, предварительно задернув шторы, так как боялась, что румянец выдаст ее смятение. Стараниями фрейлин принцесса была со вкусом одета и причесана, и Арман не мог не заметить, как она похорошела.

– Ваше Высочество, я давно хотел вернуть вам эту вещь, но роковое стечение обстоятельств мешало мне до сих пор сделать это. – Граф протянул принцессе медальон.

– О! – радостно воскликнула Генриетта. – я была уверена, что потеряла его. Он принадлежал моему отцу...

Она попыталась надеть украшение на шею, но не смогла застегнуть цепочку.

– Позвольте, я помогу вам, – Арман слегка приподнял ее локоны и, обнажив шею, умело справился с застежкой.

Генриетта несмело улыбнулась.

Арман поклонился. Как странно! Прирожденный дипломат, умевший общаться на равных с коронованными особами и с самим кардиналом Ришелье, сейчас растерял всю свою все-

¹⁹ Людовик де Бурбон, граф де Суассон (1604, Париж — 1641), сын Карла де Бурбона и Анны де Монафи. После смерти своего отца в 1612 г. стал губернатором провинции Дофинэ, а в 1636 г. – губернатором Шампани. Участник многочисленных заговоров против кардинала Ришелье.

гдашнюю находчивость и стоял перед этой девочкой, как провинившийся школяр перед грозным наставником.

Граф молчал, и принцесса поняла, что сейчас он уйдет. Необходимо было что-то придумать... как-то удержать... Ей так хотелось еще немного побыть с ним, что Генриетта, взяв себя в руки, довольно уверенно произнесла:

– Вы слишком много себе позволяете, граф. Но все же благодарю вас, мне ужасно жаль было бы его потерять. Я собираюсь на прогулку, вы могли бы составить мне компанию...

Она запнулась, будучи уверена в том, что сейчас он конечно же откажется, но его лицо озарила такая радостная улыбка, что Генриетта опять покраснела.

– Это для меня величайшее счастье, моя принцесса!

– Правда? – вырвалось у нее.

– Да, – тихо и серьезно проговорил он.

Вспыхнув от радости, Генриетта чуть было не бросилась в сад, но вовремя спохватилась.

Увы! Французская принцесса не могла себе позволить гулять наедине с придворным кавалером, тем более с таким красавцем, как Ла Рош-Гюйон. С сожалением в душе она дернула шнурок звонка.

– Мы идем на прогулку, – сообщила Генриетта вошедшим Кэтти и Мари-Мадлен. – Вы будете меня сопровождать.

Во время променада граф сумел справиться с волнением и наградил девушек множеством комплиментов, обращаясь главным образом к принцессе. Он так умело развлекал своих спутниц, что те совершенно забыли о времени и месте, где находились. Их веселый смех привлекал к себе внимание придворных, которые с удивлением оборачивались им вслед...

Генриетта вернулась с прогулки совершенно другим человеком. Она осознала, что может нравиться, а главное, почувствовала вкус восхищения собою и жаждала вновь и вновь испытать такое.

– Я красива, – прошептала она. – Я красива!

Когда восторги от прогулки немного утихли, Генриетта обратилась к королеве Франции Анне Австрийской с просьбой одолжить ей своего портного. Принцесса собиралась обновить свой гардероб, уродство которого она наконец осознала. Забегая вперед, сообщим, что тот блестяще справился со своей задачей...

Глава 2. Первая любовь

Прошло всего лишь несколько месяцев со дня встречи Генриетты Французской с Арманом де Ла Рош-Гюйоном, а принцесса сумела измениться, да так, что даже близкие с трудом узнавали в ней ту застенчивую девушку, которой она была прежде.

Она лучилась счастьем и красотой, ее всегдашняя робость исчезла, уступив место неумному оживлению и веселости. Арман представил принцессе барона де Ту, а этот весельчак и балагур привлек к ней цвет французского двора – молодого графа де Граммона, маркиза де Торси и небезызвестного графа де Бутвиля.

Де Граммон великолепно пел, барон де Ту умел в мгновение ока настроить любовный сонет или едкую эпиграмму, де Торси играл в домашних спектаклях, организованных принцессой и ее фрейлинами. Этих молодых людей вряд ли привлекало общество принцессы, но ее хорошенькие фрейлины сумели не на шутку вскружить им голову. Что же касается графа Бутвиля, то он стал верным рыцарем самой Генриетты.

Имя Франсуа Монморанси, графа де Бутвиля, упоминалось при дворе так же часто, как и имя самого Армана д'Эгмона. Неутомимый повеса и дуэлянт, выходец из самой знаменитой фамилии Франции, светловолосый красавец с атлетической фигурой и стальными мышцами, он ничего и никого не боялся. Любимец дам и гроза всех мужчин, способных носить шпагу, задира де Бутвиль был полной противоположностью рассудительного Ла Рош-Гюйона и его соперником за благосклонность Генриетты. Несмотря на несхожесть характеров, эти молодые люди стали друзьями принцессы, душой ее «домашнего кружка», о котором совсем скоро заговорят при дворе...

А тем временем, находясь в таком блестящем обществе и пользуясь сравнительной свободой, принцесса постепенно превращалась в остроумную молодую женщину, к тому же редкостной красоты. Генриетта уже начала сознавать, что красива, ловя обращенные на себя восхищенные мужские взгляды. И все-таки ей чего-то недоставало, хотя она пока и не могла понять, чего именно.

Прозрение наступило совершенно неожиданно.

Элен и Мари-Мадлен давно уговаривали Генриетту погулять по Парижу, соблюдая конечно же инкогнито. И вот, в одно прекрасное утро, в сопровождении де Граммона и де Торси, прекрасные дамы покинули дворец и отправились на поиски приключений.

В садах Тюильри²⁰, оставив своих спутников далеко позади, Генриетта случайно услышала разговор двух молодых женщин.

– Марион, – лукаво улыбнулась своей спутнице белокурая красавица, пренебрежительно указывая веером на мадам де Рэц и графиню де Граммон, – мне так жаль этих чопорных бедняжек. Они обладают именем, титулом, богатством и, возможно, красотой, но их мужья и любовники все равно бегут к нам. А почему?

– Все просто, Нинон, мало иметь красоту, нужно уметь ею пользоваться. Мужчин нужно использовать для своих надобностей – для денег, полезных знакомств, любви и...

– И?...

– И просто от нечего делать! Что ты думаешь об этом, Нинон?

– Моя дорогая, возможно, ты и права. Но отдавать тело без любви – все равно, что любя, его не отдавать. А я не смогу спать с нелюбимым мужчиной.

– Ну, если ты такая праведница, то почему бы тебе не влюбиться в приличного человека и не выйти замуж?

²⁰ Тюильрийский сад – сад в итальянском стиле, устроен в XVI в. возле дворца Тюильри, постороннем для королевы и регентши Франции Екатерины Медичи, жены Генриха II, короля Франции из династии Валуа.

– Нет, Марион, я не умею жить без любви, а любовь – это огонь. А чтобы огонь горел, нужно постоянно подкладывать туда дрова. Одного полена для этого недостаточно.

– Прекрасная Нинон, я готов быть даже поленом, только бы доставить вам удовольствие!

Генриетта узнала маркиза де Шатору, который с истинно придворной галантностью увлек дам к своей карете, стоящей неподалеку...

– Ваше Высочество, вот вы где! – воскликнула Мари-Мадлен, подбегая к принцессе. – Мы с ног сбились, вас разыскивая.

И правда, она еще долгое время не могла отдышаться. Подоспевшие мужчины согласно закивали.

– Кто это? – спросила Генриетта, указывая на удаляющихся женщин.

– Это... это Марион Делорм²¹ и Нинон де Ланкло²², – покраснев, ответила фрейлина.

– Знаменитые куртизанки... Я бы хотела с ними познакомиться...

Увидев вытянувшиеся лица своих спутников, Генриетта рассмеялась.

– Идемте дальше, – сказала она.

Генриетта долго не могла забыть слова Марион.

«Она права, – думала принцесса. – Мало быть красивой, нужно уметь этим пользоваться, и я научусь!»

Она стала внимательно присматриваться к признанным придворным красавицам. Отметая в сторону то, что ей казалось вульгарным, она запоминала отдельные детали – жесты, улыбки, взгляды, умение держать себя...

Постепенно, но неумолимо, принцесса менялась. У нее появилась уверенность в голосе и жестах. Манеры приобрели королевскую величественность и небрежность. А веселый характер и живой ум не раз приходили ей на выручку, помогая одерживать победу в словесных поединках. Теперь Генриетта стала полноправной хозяйкой своего «домашнего кружка». Но если друзья принцессы могли постепенно наблюдать такое превращение, то для ее братьев и матери оно должно было стать настоящим открытием. И случай произвести впечатление вскоре представился – в Лувре должен был состояться бал в честь испанского посланника.

Генриетта тщательно готовилась к нему. Шитое золотом платье нежно-бежевого оттенка с жемчужной отделкой очень шло ей. Принцесса проявила чудеса изобретательности, придумывая фасон, и совершенно замучила своими идеями портных, но результат того стоил. Но за день до бала состоялся неприятный инцидент, над последствиями которого смеялась вся Европа. Барон де Ту донес до ушей «домашнего кружка» едкую фразу знаменитой маркизы Ракио, сказанную испанскому посланнику, в постель к которому ей уже удалось забраться.

– Мой дорогой, разницы во внешности между королем и его сестрой почти не существует. Достаточно добавить к портрету принцессы усы, чтобы в этом убедиться...

– Вот как? – усмехнулась Генриетта. – Я думаю, мне не придется стараться, чтобы опровергнуть сказанное, но эту мерзавку следует проучить...

Элеонор де Ракио появилась на балу в ярко-красном атласном платье. Ее шею украшало великолепное рубиновое ожерелье, с ушей свисали огромные рубиновые серьги в бриллиантовой оправе. Маркиза была ослепительна.

²¹ Марион Делорм (фр. Marion Delorme, 3 октября 1611 г., Блуа – 2 июля 1650 г.) – знаменитая французская куртизанка, проживала в Париже на площади Вогезов. Среди ее обожателей были кардинал Ришелье, герцог Бэкингем, Сен-Мар, принцы Конде и Конти, Людовик XIII. Во время Фронды в ее доме собирались вожди этой партии.

²² Нинон де Ланкло, полное имя Анна де л'Анкло (10 ноября 1615/1623, Париж – 17 октября 1705) – знаменитая французская куртизанка, писательница и хозяйка литературного салона. Прославилась своей красотой, необычайным остроумием, а также тем, что сохраняла свою необыкновенную привлекательность практически до самой смерти в глубокой старости.

– Ваше Величество, – прошептала на ухо Анне Австрийской²³ герцогиня де Шеврез²⁴, – если эта высочка не прекратит кривляться, я подставлю ей подножку. Может, хоть это собьет с нее спесь.

Ответ королевы заглушил громкий смех придворных. В зал вошла крупная макака, одетая точно так же, как и мадам де Ракио. Обезьянка шла на задних лапах, уморительно ухмылялась, подражая жестам и мимике маркизы. Мартышки были тогда большой редкостью, и посмотреть на чудо сбежались все присутствующие. Особый смех вызывало то, что макака постоянно приподнимала платье, демонстрируя окружающим свои волосатые лапы.

А в это время через другую дверь в зал вошла Генриетта Французская. Глубокое декольте платья открывало любопытным взглядам великолепную грудь; слегка приподнятые локоны волос, украшенные жемчугом, струились по плечам; простая жемчужная нитка в три ряда обнимала нежную шею – принцесса была восхитительна! Не обращая внимания на восхищенный шепот, вызванный ее появлением, она окинула леденящим взглядом бледную от ярости маркизу и сказала еле слышно, так, что ее услышали только Элеонор и еще несколько человек.

– Что ж, моя дорогая, вам придется постараться, чтобы доказать, что между вами и этой мартышкой нет сходства. Но, скорее всего, это бесполезно и никого не убедит, – закончила она под угодливый смех придворных.

Этот бал стал поворотным в ее судьбе. На нем возшла звезда первой красавицы Франции, и, возможно, всей Европы.

Но перемены, произошедшие с принцессой, не могли не огорчить Армана д'Эгмона. Когда он понял, что влюбился, первая мысль была – бежать. Генриетта действительно очень изменилась. Она равнодушно выслушивала комплименты придворных, которые еще недавно ее попросту не замечали; пожимала плечами, слушая посвященные ей стихи поэтов, которые раньше слагали их другим богиням, и только к своему «семейному кружку» относилась все так же тепло. С Арманом же она держалась подчеркнуто дружески, не замечая его чувств, но требуя сопровождать ее во время прогулок, балов, охоты. Он терялся в толпе ее поклонников, клялся себе, что это было в последний раз, но все повторялось.

Не решаясь попрощаться лично, он написал ей письмо, выдумав причину отъезда. Он не мог даже представить себе, что она придет.

Получив его письмо, Генриетта растерялась. Она поехала к нему, повинувшись какому-то минутному импульсу, еще не зная, что скажет. Увидев его ошеломленно-радостного, слова сами вырвались с ее губ:

– Сударь, вы – трус, жалкий трус! Вы написали мне, хотя видели меня сегодня утром, и могли бы все сказать. Немедленно отвечайте, зачем вы так поступили? Почему вы молчите?

Как она была прекрасна, говоря все это! Глаза блестели, грудь вздымалась от волнения, прическа слегка растрепалась, и непослушные локоны черно-золотистыми змейками струились по плечам. Арман молчал. Он просто любовался ею. Ему было больно от счастья, что он видит ее сейчас, хотя, возможно, и в последний раз.

– А, вам стало стыдно! Разве вы не понимаете, что, уезжая, лишаете меня общества лучшего друга.

²³ Анна Австрийская (фр. Anne d'Autriche, исп. Ana de Austria (de Habsburgo); 22 сентября 1601 – 20 января 1666) – королева Франции, супруга (с 1615 г.) короля Франции Людовика XIII. Дочь испанского короля Филиппа III, пыталась проводить происпанскую политику. Поддерживала заговоры против Ришелье. Брак Людовика и Анны в течение 23 лет был бездетным, и только в 1638 и 1640 гг., после нескольких неудачных беременностей у Анны родились их два сына – будущие Людовик XIV и Филипп I Орлеанский. В 1643–1651 гг. была регентшей при малолетнем Людовике XIV.

²⁴ Мари́ Эме́ де Роган-Монбазон, герцогиня де Шеврёз (фр. Marie Aimée de Rohan, duchesse de Chevreuse; декабрь 1600 – 12 августа 1679) – представительница высшей французской аристократии, одна из центральных фигур в водовороте придворных интриг Франции 1-й пол. XVII в.

– Я уезжаю, потому что не хочу, не могу быть вам другом, – не узнавая своего голоса, ответил граф. – Я знаю, что между нами – пропасть, мне не на что надеяться, но мне больно быть возле вас и не сметь прикоснуться, видеть улыбку на ваших устах – и не поцеловать их. Я не могу так, мне лучше уехать.

После длительной паузы принцесса ответила:

– Я никуда вас не отпущу...

Граф вглядывался в ее лицо, видел сияющие глаза, приоткрытый в немом удивлении рот... Несмотря на кажущуюся величественность, она была еще ребенком, девочкой, которую он превратил в женщину. И какую женщину! Подобно несчастному Пигмалиону²⁵, который создал женщину-мечту, а потом влюбился в нее, Арман д'Эгмон, граф де Ла Рош-Гюйон, блестящий кавалер, дипломат, надежда протестантской партии, был покорен этой богиней. Она любила его, и он знал это, но ее любовь была жестокой, переворачивающей душу и изматывающей тело. Ему завидовали менее удачливые поклонники, и он сам был вне себя от гордости, но ветреная и капризная принцесса смогла обратить его триумф в подлинное несчастье. Ее по-прежнему окружали толпы ухажеров, она могла унижить и оскорбить его в любую минуту, бросить в пламя ревности и воскресить из пепла. Недаром в ее жилах текла кровь Бурбонов²⁶ и Медичи²⁷, умевших и любить и ненавидеть...

Именно эти воспоминания и вызвали на лице Генриетты мимолетную улыбку. Память о счастье, безвозвратно ушедшем, пронзила ее душу невыносимой болью, а встревоженные лица Элен и Бутвиля вернули принцессу к реальности, жестокости которой она бы с радостью предпочла упоительный мир грез.

²⁵ Пигмалион – в греческой мифологии скульптор, создавший прекрасную статую из слоновой кости и влюбившийся в своё творение.

²⁶ Бурбоны (ед. ч. Бурбон, фр. Bourbon, исп. Borbón, итал. Borbone) – европейская династия. Младшая ветвь королевского дома Капетингов, происходящая от Робера (1256–1317), младшего сына Людовика IX Святого. Вступили на французский престол с пресечением другой ветви Капетингов – династии Валуа – в 1589 г. (в лице Генриха IV Наваррского).

²⁷ Медичи (Medici) – семейство богатых флорентийских коммерсантов, представители которого были правителями Флоренции в период Возрождения, а в XV–XVIII вв. – великими герцогами Тосканскими. Дочь Фердинанда I, Мария, в 1600 г. вышла замуж за короля Франции Генриха IV.

Глава 3. Вальденсы²⁸

Получив страшную весть о гибели любимого, Генриетта приказала фрейлинам не беспокоить ее. Она легла в постель, желая забыться и уснуть. Но сон уступил место новым воспоминаниям. Были ли они счастливыми? Наверное, потому что в то время Арман еще был жив, хотя Генриетту и разлучили с ним. Надолго...

У Лувра и стены имеют уши, а юная и наивная принцесса даже не думала делать из своей любви тайну, хотя к этому ее и призывала более опытная в амурных делах Мари-Мадлен. Поэтому не удивительно, что вскоре новость о романе Генриетты Французской и Ла Рош-Гюй-она достигла ушей короля и королевы-матери. Принцессе пришлось пережить ярость брата, гнев Марии Медичи, но самым страшным ударом для нее стал отъезд Армана. Граф был вынужден покинуть Париж с запретом приближаться к городу ближе, чем на двадцать лье, под страхом смертной казни. Узнав об этом, Генриетта выплеснула на родных поток своего негодования, но добилась только того, что взбешенный король отправил ее в монастырь Валь-де-Грас, под опеку родственницы кардинала Ришелье – Луизы де Шемро. Людовик поступил так из боязни, что сестра, чего доброго, сбежит к своему любовнику в Ла-Рошель, куда и отправился Арман.

Теперь встреча двух влюбленных казалась совсем невозможной, а принцесса получила хороший урок на всю жизнь.

– Прав, тысячу раз прав был король Людовик XI²⁹, говоря: «узнай я, что моя шапка проведала о моих мыслях, я бы тут же швырнул ее в огонь», – пожаловалась она Элен – единственной фрейлине, которой было разрешено отправиться с ней в изгнание. – Будь я поумней, то сделала бы вид, что ссылка графа меня совершенно не волнует. Двадцать лье – небольшое расстояние, особенно когда скачешь на встречу с любимым. И я смогла бы увидеться с Арманом...

– Это и сейчас возможно, – прошептала баронесса. – Валь-де-Грас – это не Бастилия, и я уверена, что вы сможете послать весточку графу. Он приедет и...

– Нет, – решительно произнесла Генриетта. – Я не стану подвергать его жизнь такому риску. В конце концов, не будет же мой брат держать меня здесь вечно?

Вопреки уверениям баронессы Сент-Люс, монастырь стал для Генриетты настоящей тюрьмой. Принцессе было запрещено покидать святую обитель. Даже на прогулках в монастырском садике ее сопровождали монахини.

Вскоре терпению Генриетты пришел конец. Вне себя от ярости, она ворвалась к аббатисе и пригрозила уморить себя голодом, если сестры и дальше будут совать нос в ее дела. Угроза произвела должное впечатление, и Генриетту оставили в покое. Поэтому, обставив келью по своему вкусу, принцесса зажила в свое удовольствие. Время от времени ее навещали члены ее «домашнего кружка», через которых принцесса могла бы поддерживать связь с Арманом. Но, помня о вездесущих шпионах Его Преосвященства, зажав волю в кулак и приглушив чувства,

²⁸ Вальденсы – религиозное движение в западном христианстве, которой в настоящее время приписывают двоякое происхождение: с одной стороны, это были «долинные люди» (Vaudois) Дофинэ и Пьемонта, с другой – последователи богатого лионского купца Петера (Пьера) Вальдо (Вальдуса), жившего во 2-й половине XII в. Обращаясь к идеалам раннего христианства, вальденсы ратовали за ликвидацию частной собственности, апостолическую бедность и взаимопомощь, а также мирскую проповедь и свободу чтения Библии.

²⁹ Людовик XI (фр. Louis XI), по прозвищу Осторожный, Благоразумный (фр. le Prudent), или, неодобрительно, Всемирный паук (фр. L'universelle aragnée) (3 июля 1423 г., Бурж – 30 августа 1483 г., замок Плесси-ле-Тур) – король Франции с 1461 г., из династии Валуа. Правление Людовика XI ознаменовано политическими интригами не самого благовидного рода (отсюда прозвище Паук), целью которых было объединение раздробленной Франции и ликвидация самостоятельности крупных феодалов. Он считается основателем абсолютной монархии во Франции.

Генриетта довольствовалась теми радостями, которые были ей предоставлены, и жила ожиданием свободы.

Единственным развлечением в ссылке для Генриетты и Элениты были прогулки верхом в окрестностях монастыря. Во время одной из них они наткнулись на следы недавнего столкновения.

– Похоже, не обошлось без жертв, – принцесса указала на лежавшие в траве два тела.

– Вот еще один, – побледнев, ответила Элен, – кажется, дышит.

Принцесса спешила и подбежала к раненому. Тот тихо застонал.

– Он жив! – воскликнула принцесса, судорожно оглядываясь вокруг в поисках помощи.

К счастью, мимо проезжала крестьянская телега, груженная дровами.

– Эй, любезный! – окликнула возницу принцесса. – Пять пистолей, если доставишь этого человека в монастырь.

– Это мы мигом, – охотно согласился тот.

Так святая обитель пополнилась еще одним постояльцем...

Раненый потерял много крови, но, к счастью, рана была не смертельной. Оказав помощь, монахини ушли, и принцесса с Эленитой остались наедине с незнакомцем. Теперь у них была возможность рассмотреть его как следует.

Раненому на вид можно было дать лет сорок. У него были правильные, мужественные черты лица; черные, слегка волнистые волосы, волевой подбородок...

– Какой красавец, – восхищенно вздохнула Элен.

– Да, но вот интересно, кто так жаждал его смерти? И что это он сжимает в кулаке? – Генриетте пришлось приложить немалые усилия, чтобы разжать стиснутые пальцы.

Там оказался серебряный перстень грубой работы – большой кроваво-красный рубин в оправе из черных агатов, образовавших собою надпись на латыни.

– «Ut quisque est doctissimus ita est modestissimus», – прочитала вслух Генриетта. – «Кто умнее, тот скромнее»... Элен, это же девиз «Черных капюшонов»!

– Значит, он один из них, – прошептала баронесса.

Об ордене «Черных капюшонов», или «Молчаливых», слышали все, но говорили только шепотом – такой ужас внушала его страшная репутация. Доподлинно об истинной его деятельности было известно мало, а неизвестность обрастает слухами, часто не всегда правдивыми... Больше знали и говорили о реформаторской церкви, о вальденсах, учение которых положило начало протестантизму.

Еще в 1176 году богатый лионский купец Пьер Вальдо создал общину, противопоставившую свои идеалы католическому Риму. Проповедование суровых монашеских устоев, бедности, идеи «общего блага» и «просветительства» и перевод Библии на народный язык привлекло к нему много сторонников. Это вызвало беспокойство папы.

Скоро последовала анафема сторонников движения, за которой начались гонения и преследования. Но было слишком поздно. По всей Европе, вплоть до Франции, Германии, Италии, Испании, Венгрии, Чехии и даже Польши, в дыму от костров, на которых горели еретики со своими проповедями и убеждениями, пробивались ростки новой веры.

Но даже крестовый поход, организованный папой против отступников, не сломил мужество вальденской общины. А в 1251 году произошел зверский погром в Тулузе, где главный просветитель и наиболее влиятельные сторонники новой церкви были убиты, а их имущество уничтожено. После такого поражения многие пастыри решили сменить мученический венец на католический крест и стали миссионерами Рима.

Именно в то время и появился орден «Черных капюшонов», основатель которого итальянский дворянин Бартоломео Вельди решил бороться с Римом не только словом, но и делом, не останавливаясь перед убийством противников. Это была первая в мире террористическая организация, во главе которой стоял Великий Магистр. Ему подчинялся «собор», состоявший

из двенадцати наиболее влиятельных членов ордена, по количеству общин – территориальных сфер влияния вальденсов.

Костяком каждой общины была избираемая коллегия лидеров («ректоров»), которым подчинялись «совершенные» – странствующие проповедники, оставившие семью и мир, жившие случайной работой или подаянием. В их окружении существовала значительная часть верующих («друзей»), не порвавших окончательно связи с католицизмом, но руководствовавшихся верой и указаниями лидеров. Это были «солдаты» и «агенты», умевшие и убивать и проповедовать.

«Черными капюшонами» их прозвали по цвету монашеского одеяния, а «Молчаливыми» – за стойкость и отвагу, которая изумляла даже выдавших виды палачей, когда им в руки попадала такая жертва. Впрочем, у пойманных «капюшонов» был только один выбор – умереть: как герой от рук противника или как предатель. Выбор был очевиден, так как во втором случае смерть была куда страшней и мучительней, – «капюшоны» жестоко расправлялись с отступниками...

Итак, устранение наиболее влиятельных членов кардинальской курии, «чехарда» на папском престоле, монархоубийства – все это было делом рук «Молчаливых». И они никогда не останавливались на достигнутом. Призрак ордена держал в страхе Рим в течение многих столетий. Учение великого магистра ордена – Джона Виклифа³⁰ – дало жизнь гуситам³¹ в Чехии, вдохновило Лютера³² и Кальвина³³ на создание Реформаторской церкви...

Принцесса знала все это, и поэтому, видя перед собой одного из «Молчаливых», испытывала смешанное чувство страха и жалости. Глубоко вздохнув, она вернула перстень на палец хозяина и еще раз оглядела келью.

Должно быть что-то еще...

Генриетта подошла к камзолу раненого, висевшему на стуле, и ощупала его. Подкладка подозрительно оттопыривалась.

– Так и есть. Какие-то бумаги... письма!

Подумав мгновенье, принцесса засунула их за корсаж платья.

Раненый пошевелился и тихо застонал.

– Кажется, приходит в себя, – тихо сказала Элен.

И действительно, незнакомец открыл глаза.

– Где я? – слабо прошептал он, поморщившись от боли.

– В монастыре, – ответила Генриетта.

Незнакомец с трудом приподнялся и оглядел девушек.

– Вы не похожи на монахинь, – проговорил он.

– Вы лежите, не волнуйтесь, – Элен попыталась уложить его, но тот отстранил ее.

– Как я здесь оказался?

– Мы... – начала Элен, но Генриетта перебила ее.

³⁰ Джон Виклиф (англ. John Wycliffe, Wyclif, Wycliff, Wickliffe; 1320 или 1324 – 31 декабря 1384) – английский богослов, профессор Оксфордского университета, основатель учения виклифистов, реформатор и предшественник протестантизма. Первый переводчик Библии на среднеанглийский язык.

³¹ Гуситы – последователи чешского религиозного реформатора Яна Гуса (ок. 1369–1415). Гуситская революция привела к созданию первой национальной реформированной церкви, не находившейся в зависимости от Римско-католической церкви. На формирование идеологии гуситов оказали влияние взгляды Виклифа, вальденсов и чешского реформатора Матвея из Янова. Радикальные гуситы отрицали авторитет Церкви и признавали лишь Священное Писание как единственную основу веры.

³² Мартин Лютер (нем. Martin Luther; 10 ноября 1483, Айслебен, Саксония – 18 февраля 1546) – христианский богослов, инициатор Реформации, переводчик Библии на немецкий язык. Его именем названо одно из направлений протестантизма.

³³ Жан Кальвин (фр. Jean Calvin (10 июля 1509 – 27 мая 1564) – французский богослов, реформатор церкви, основатель кальвинизма.

– Вы были без сознания и истекали кровью, когда мы вас обнаружили. Оставить вас в таком состоянии мы не могли и перенесли сюда. А теперь, может быть, представитесь?

– Меня зовут Эрнандо де Молина, маркиз Валенса. Кому я обязан своим спасением?

– Я Генриетта Французская, а это баронесса Сен-Люс.

– Прошу прощения, Ваше Высочество. Позвольте мне поблагодарить вас. Если бы не вы...

– Не стоит благодарности, маркиз.

Де Молина оглянулся вокруг. Он заметил свой камзол, висевший на спинке стула, нащупал кольцо на пальце и заметно успокоился.

– Может, хотите отдохнуть?

– Да, Ваше Высочество, я чувствую некоторую слабость...

– Тогда мы вас оставим.

Девушки вышли. Подойдя к лестнице, Генриетта остановилась и на цыпочках вернулась к двери.

– Так я и знала, он ищет письма. Ничего, пускай поволнуется, а мы пока проведем нашу добрую настоятельницу.

Луиза де Шемро, аббатиса монастыря, находилась в общей молельне, где ее и нашла Генриетта.

– А, Ваше Высочество, – язвительно поприветствовала ее настоятельница. – Говорят, вы сделали сестрой милосердия?

– Совершенно верно, матушка. Видимо, святость этой обители благотворно повлияла на меня. Ведь тот, кто оказывает помощь ближнему, удостоится благодати, не так ли?

– Аминь. Раненый уже пришел в себя?

– Да.

– Кто он и что с ним произошло?

– Это дворянин, знатного рода. На него и его спутников напали разбойники.

– Какой ужас! – встревожилась аббатиса. – Сестра Мария, вы не должны больше ездить на рынок одна, без сопровождающих. Для бандитов все равны – и дворяне и слуги Господа... Что-то еще, Ваше Высочество?

– Мне нужны ключи от сада, чтобы раненый мог дышать свежим воздухом.

– Вы хотите, чтобы незнакомый мужчина свободно разгуливал по монастырю?

– Он знатен и богат, к тому же раненый. Вряд ли его заинтересуют деньги монастыря и честь сестер. К тому же, я уверена, он щедро рассчитается за оказанную помощь. А гулять он будет под моим присмотром.

– Держите.

– Благодарю вас, матушка. Кстати, распорядитесь, чтобы ему принесли куриный бульон, он очень слаб.

– Вы слишком заботитесь о нем.

– Как говорил святой Исайя, оказать помощь наполовину все равно, что не оказывать ее совсем.

Среди монахинь раздался смешок. Настоятельница покраснела.

– Его Преосвященство интересуется, не нужно ли чего-нибудь Вашему Высочеству? – усмехнулась она. – Ваше Высочество может высказать пожелания и на будущее, ведь вы еще задержитесь в этих стенах, не правда ли?

– Я воспользуюсь его предложением позже, – преувеличенно спокойно ответила принцесса, делая вид, что колкости аббатисы ее не задевают...

Не найдя писем, маркиз разозлился и уже собрался бежать на поиски принцессы, чтобы потребовать объяснений, но рана еще очень тяготила его. Поэтому он постарался успокоиться и дожидаться возвращения своих спасительниц.

Скоро в келью вошла монахиня и протянула маркизу чашку с ароматным бульоном.

– Где принцесса? – бесцеремонно поинтересовался Валенса.

– Ее Высочество отправилась на прогулку.

– Я хотел бы ее увидеть.

– Я передам. Но сейчас, сударь, успокойтесь и хорошенько поешьте.

Эрнандо де Молина поел, но успокоиться ему не удалось.

После обеда его посетила настоятельница. Ей не терпелось задать пострадавшему несколько вопросов. Но ничего нового она не узнала. Маркиз только пообещал оставить монастырю щедрые пожертвования в благодарность за заботу и тут же вручил ей довольно дорогое кольцо.

– Странные нынче разбойники, – удивилась аббатиса, – брезгают драгоценностями...

Маркиз пропустил ее замечание мимо ушей.

Вечером пришли еще две монахини сделать перевязку. Принцесса так и не появилась.

– Не будем торопить события, Элен, – говорила Генриетта. – Не надо, чтобы он ощущал слишком большой интерес к себе. К тому же не следует давать повод для подозрений нашей дорогой аббатисе.

Завтрак маркизу опять принесла монахиня. Он настойчиво попросил передать Ее Высочеству, что хотел бы ее увидеть. На этот раз принцесса пришла.

– Как вы себя чувствуете, сударь? – спросила она, входя к нему в келью.

– Благодарю, вас, Ваше Высочество, уже лучше.

– Я советую вам написать родственникам или друзьям о вашем ранении. Я бы могла отправить письмо с расторопным человеком.

– Думаю, я воспользуюсь вашим любезным предложением, – задумчиво ответил де Молина.

– Зачем вы хотели меня видеть?

– Ваше Высочество, я просил вас посетить меня, поскольку мне нужно задать вам несколько вопросов.

– Слушаю вас.

– Вы видели людей, которые на меня напали?

– Нет. Когда мы подъехали, ваши спутники были мертвы, а вы немногим отличались от убитого. Думаю, что убийцы попросту сочли вас мертвым.

– Вы очень проникательны, Ваше Высочество, – Де Молина внимательно посмотрел на нее. – Думаю, что так оно и было. А что сделали с телами моих людей?

– Их похоронили на монастырском кладбище. Хотите посетить их могилы?

– Позже.

«Ага, – подумала Генриетта, – так я и предполагала. Его спутники, без сомнения, дворяне, тоже принадлежали к ордену, но дружбы он к ним не испытывал и назвал их “своими людьми”. Значит, он командовал, а они подчинялись».

– Их обыскали перед тем, как похоронить? – продолжил маркиз.

– Мы с баронессой похожи на мародеров?

– Ну что вы, – улыбнулся раненый, – просто при них могли оказаться вещи, которые бы могли открыть их имена. Ведь это по-христиански – сообщить родственникам о судьбе этих несчастных?

«Он, бесспорно, очень умен, – поняла Генриетта, – и хочет узнать, догадываюсь ли я, с кем имею дело. Но еще не время открывать карты».

– Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, – разыгрывая нерешительность, ответила Генриетта, – но сейчас попробую узнать. Может, монахини и осмотрели тела.

Она вышла. Маркиз задумчиво смотрел ей вслед.

– Она не так проста, как кажется, – пробормотал он.

Очень скоро принцесса вернулась.

– Мне сказали, ничего, что помогло бы установить личность погибших, при них не оказалось. Но, так как вы живы, это не имеет значения, не правда ли?

– Вы правы. Я надеюсь, Ваше Высочество извинит меня, но у меня есть еще несколько вопросов.

– Еще? Маркиз, для выходца с того света вы чересчур любопытны.

– Ваше Высочество, вы столь же умны, как и очаровательны. При мне были два письма...

Он вопросительно посмотрел в глаза Генриетте. Его взгляд был холоден и тяжел. Но на губах играла улыбка.

– Вот они, – Генриетта протянула ему бумаги.

– Вы их читали, – чеканя каждое слово, произнес маркиз.

– Конечно, – просто ответила принцесса. – Должны же мы были узнать, с кем имеем дело... чтобы сообщить вашим родственникам о постигшем вас несчастье... К тому же печати были вскрыты...

– И как, узнали? – тревожно поинтересовался Валенса.

– Увы, – как можно искреннее произнесла принцесса. – Ничего, кроме того, что вы сами о себе рассказали.

Де Молина вздохнул свободнее, чего нельзя было сказать о Генриетте. Принцесса действительно прочитала письма и теперь терзалась подозрениями. Дело было в том, что одно из них было от герцога Анри де Роана, главы гугенотской партии, правой рукой которого небезосновательно считали графа Ла Рош-Гюйона. До сих пор Генриетта совсем не интересовалась политикой, но письмо, адресованное ни кому-нибудь, а самому магистру «Молчаливых», заставило ее глубоко задуматься.

«Милостивый сударь, довожу до вашего сведения, что я обратился к Его Величеству королю Франции с просьбой о возобновлении действия договора Монпелье, который неоднократно нарушался эмиссарами Его Величества, но, как мы и ожидали, король принял сторону господина де Ришелье и отказал мне. Также мне стало известно, что маршал де Туара получил тайный приказ усилить укрепление форта, контролирующего Ла Рошель с моря. Так что наши действия не составляют тайну для господина кардинала, и вооруженное столкновение неизбежно.

Итак, милостивый государь, создание протестантского государства под угрозой, если вы сами, орден и Господь Бог не поддержат наши благие начинания.

Мой доверенный человек, граф Ла Рош-Гюйон, которого я настоятельно рекомендую вашей милости, был принят первым министром Англии, герцогом Бэкингемским³⁴, и Его Светлость принял горячее участие в нашем деле. Но герцог желает устроить брак между принцем Уэльским и инфантой Испании, что, боюсь, помешает милорду оказать действенную помощь нашим интересам, если это вызовет неудовольствие Филиппа Испанского³⁵.

³⁴ Джордж Вилльерс (англ. George Villiers; 28 августа 1592 г., Бруксби, – 23 августа 1628 г., Портсмут), 1-й герцог Бэкингем (англ. 1st Duke of Buckingham, с 1623 г.) – английский государственный деятель, фаворит и министр королей Джеймса I и Чарльза I Стюартов.

³⁵ Филипп IV (исп. Felipe IV, 8 апреля 1605, Вальядолид – 17 сентября 1665, Мадрид) – король Испании с 31 марта 1621 г., король Португалии и Альгарвы с 31 марта 1621 г. Из династии Габсбургов. Вступил на престол 16-летним юношей (1621) и возложил все бремя управления государством на своего любимца, герцога Оливареса.

Милостивый государь, я уверен, что ваш гений способен склонить испанскую чашу весов в нашу пользу. В свою очередь, я сам и более миллиона наших братьев и сестер молятся за успех нашего дела и уповают на вашу милость и поддержку.

Ваш преданный слуга, де Роан».

Даже на неискушенную в политике маленькую принцессу письмо произвело нешуточное впечатление. И неудивительно! Она только что держала в руках неоспоримые доказательства того, что против королевской власти, против ее брата, зреет нешуточный заговор! Государство в государстве! Война! И Арман, ее Арман, в рядах заговорщиков!

Последнее обстоятельство потрясло принцессу больше всего. До сих пор она и понятия не имела о политической деятельности возлюбленного. Зачем? Он любил ее, она любила его, а все остальное было неважно.

Но сейчас все изменилось. Имела ли право она, дочь Генриха IV и сестра короля Франции, закрыть глаза на предательство? Немного поразмыслив, Генриетта решила не торопить события. Время, а вернее, ближайшая встреча с Арманом поможет ей принять верное решение...

Решив так, она перевела взгляд на маркиза, который внимательно следил за ней. Его цепкий леденящий взгляд проникал ей прямо в душу. Принцесса почувствовала, как на ее лбу выступил пот.

– Вы пытаетесь прочесть мои мысли, сударь? – попыталась она пошутить.

– Я надеюсь, мне не придется заходить так далеко, – серьезно ответил Валенса. – Почему вы отдали мне это письмо?

Генриетта даже не удивилась его пронизательности, настолько этот вопрос совпал с ее собственными ощущениями.

– По-вашему, я должна была отдать их королю, моему брату? – язвительно поинтересовалась она.

– Я бы так и поступил, – серьезно ответил Валенса. – Бумаги могли бы похитить те, кто на меня напал, и, если бы вы сообщили мне об этом, я бы нисколько не удивился. Зато заговор бы умер, не успев родиться...

– Я отвечу вам, – после длительной паузы произнесла Генриетта. – Если вы мне расскажете, почему вы проявляете такой интерес к судьбе Ла Рошели? Ведь это письмо адресовано вам, не правда ли?

Ни один мускул не дрогнул на лице де Молина, только его черные глаза хищно заблестели.

– Почему вы так решили, Ваше Высочество? – намеренно небрежно поинтересовался он. – Я должен был доставить его адресату, только и всего.

С минуту принцесса вглядывалась в его лицо, потом, решившись, произнесла:

– Бумаги были вскрыты... Вам, как простому курьеру, оказано слишком большое доверие, сударь. Вы, конечно, можете возразить, что письма достались вам уже со сломанными печатями, вот только...

– Что?

– Кольцо... кольцо у вас на пальце...

Маркиз поднялся и, забыв о боли, встал на ноги. Его лицо было мрачнее тучи. Генриетта следила за каждым его движением.

– Вы знаете, кто я?

– Догадываюсь.

Что ж, вы знаете довольно много. Я – великий магистр ордена «Черных капюшонов». Вы знаете, что бывает с теми, кто вмешивается в наши дела?

Странно, но принцессу его откровения не напугали, а рассмешили.

– Почему вы смеетесь? – недоуменно спросил Валенса.

– Вы еле стоите на ногах. Если бы рядом были ваши сторонники, вас здесь уже не было бы. Следовательно, вы один. К тому же, маркиз, вы обязаны мне хотя бы благодарностью. Я ведь вернула вас к жизни. Или же порядочность настолько чужда вашей натуре, что вы угрожаете мне, женщине?

Он оглядел ее с головы до ног. Потом заговорил, и в его голосе послышалось невольное восхищение.

– Несмотря на свой юный возраст, вы очень умны, Ваше высочество. И вам что-то очень от меня нужно, если вы решились сознаться. Что же?

– Я уже задала вам вопрос и рассчитываю получить ответ. Но сначала вернитесь в постель. Вы еще слишком слабы.

Великий магистр последовал ее совету. Принцесса помогла ему лечь поудобнее.

– Я отвечу на ваш вопрос, – ответил де Молина. – Хотя ответить на него вы могли бы и сами, если бы потрудились озаботить свою хорошенькую головку...

Итак, мой орден существует, чтобы оказывать поддержку Истинной вере, которую извратил Рим, заставив ее служить своим интересам. Папы не могут править в Царствии Небесном. Поэтому решили создать Царствие на земле, причем самому Господу отвели в нем отнюдь не главную роль. Господство Рима над государствами, государями и их подданными – вот истинная цель папизма. Но пока есть мы, «Молчаливые», этим планам не суждено сбыться. Только Господь Бог может вершить судьбы, и только Господу нашему мы, все мы, должны подчиняться... Не против Рима, не против католической церкви и ее слепых пастырей мы сражаемся – где словом, где мечем, а где кинжалом убийцы, а против их Богопротивных планов. И сам Господь на нашей стороне!

За годы своего существования мы достигли многого – Англия, Нидерланды, большая часть Германских княжеств, Чехия, то есть сторонники истинной веры, сражаются вместе с нами... И вот теперь вы спрашиваете, какое мне дело до того, что больше миллиона французов с оружием в руках готовы бороться во Славу Божию? Я отвечу – да, мне есть до этого дело, и я верю в правильность этого пути, так как верю в Господа нашего. И как Господь не оставляет свою паству, так и я окажу поддержку благим начинаниям детей его... Я ответил на ваш вопрос, моя принцесса?

– Да... да, маркиз, вы ответили на мой вопрос, – прошептала Генриетта, до глубины души взволнованная его рассказом...

Принцесса еще не знала, что стоит за откровениями этого страшного человека, она еще была слишком молода и наивна, чтобы разглядеть подоплеку его рассказа. Поэтому она рассказала де Молина историю своего заточения в монастырь.

Ни один мускул не дрогнул на лице Великого магистра. Но в его хитроумном мозгу уже зародился план относительно этой девочки, красоту и ум которой он уже успел оценить.

Но будет ли она послушной пешкой в его игре? На этот счет у Эрнандо де Молина, увы, не было сомнений...

Через десять дней маркиз де Молина покинул монастырь и отбыл в неизвестном направлении, но прежде сумел произвести на принцессу неизгладимое впечатление, чего, собственно, и добивался. Генриетта была покорена умом, энергией и некой магической силой, исходившими от этого, без сомнения, гениального человека. Она жаждала его общества и была неприятно расстроена его отъездом. Но ее душу грели заверения Великого магистра о скором свидании.

– А вам я советую покинуть монастырь, – сказал он на прощание. – Вы слишком красивы для этих стен...

Генриетта решила последовать его совету, хотя ее сердце замирало от страха. Она впервые поступала вопреки королевской воле и теперь ждала бури. Предчувствия ее не обманули, но к королю она пришла, преисполненная решимости победить.

– Как Вы посмели вернуться без моего разрешения? – загремел Людовик, увидев сестру.

– Да, я вернулась! – В такой ярости король ее никогда не видел. – Вы заточили меня в монастырь, ухватившись за смехотворный повод, чтобы избавиться от меня, чтобы убить меня. Этого не будет! Я буду обороняться даже против вас.

Король опешил.

Генриетта, вы не в себе. Что вы говорите?

– Что слышите, и посмейте только сказать, что это неправда! – принцесса была неплохой актрисой. Самые настоящие слезы ручьями текли по ее щекам. – Вы никогда меня не любили, но ваша хваленая гордость была слишком задета связью вашей сестры с простым дворянином! И тогда вы решили сгноить меня в монастыре, чтобы ваш позор, позор королевского дома, умер вместе со мной!

Она выкрикивала все новые и новые обвинения, абсурдные по своей сути, но звучавшие так реально, что она сама почти поверила в них. Людовик не знал, что и подумать.

– Сестра, успокойтесь. Вас никто не обидит. Вы можете остаться в Лувре.

Генриетта получила то, за чем пришла. Но надо было еще поломаться, чтобы восстановить отношения с братом, что она и сделала. Покои короля она покидала с гордо поднятой головой победительницы.

Но в ее душе бушевали нешуточные страсти. Она опять взбунтовалась против королевской воли и одержала победу! Теперь Генриетта чувствовала себе достойной похвал Великого магистра, чья железная воля поддерживала ее во время разговора с братом. И вправду, только желание принцессы соответствовать комплиментам де Молина, которыми он так щедро ее осыпал, и боязнь показаться слабой и недостойной придали ей силы выдержать поединок. Теперь она могла по праву гордиться собой.

– Я заставлю брата вернуть Армана ко двору, – как заклинание твердила себе Генриетта, сжав кулаки. – И он вернется ко мне, я чувствую, я знаю!

...Генриетта вздрогнула, словно от удара. Воспоминания, нахлынувшие на нее так внезапно, дали ее мыслям новое направление.

– Я понимала, что брат не позволит Арману вернуться ко двору, если я сама обращусь к нему с этой просьбой. Да... так и есть! Я спросила себя: «Кто может заставить короля изменить решение?» Ответ был очевиден – только он, всемогущий министр Ришелье. И только в том случае, если д'Эгмон зачем-то ему очень понадобится...

Как странно! Граф д'Эгмон понадобился Ришелье уже через пару недель, и прошло чуть более месяца после его возвращения, и он убит!

– Люди моего склада своей смертью не умирают, – пошутил он когда-то...

– Ты и не умер! – воскликнула принцесса, пораженная этим внезапным совпадением. – Тебя убили, подло убили. Это была не дуэль, это убийство! Я знаю это... и догадываюсь, кто мог приказать убить тебя. Но догадки – еще не доказательства. Их нужно раздобыть и найти убийцу. И я найду, Богом клянусь! Найду и отомщу!

Глава 4. Тень Ришелье

Первый министр Франции Арман-Жан дю Плесси, кардинал Ришелье, уже в третий раз перечитывал письмо своего лучшего друга и руководителя агентуры Жозефа дю Трамбле, или отца Жозефа³⁶. Этим именем тот стал именовать себя с тех пор, как презрел светскую жизнь и вступил в орден капуцинов³⁷.

Кардинал перечитал это послание в четвертый и в пятый раз, но, убедившись, что смысл письма ясней не становится, с досадой отложил его в сторону, спрашивая себя: уж ни сошел ли с ума этот достойнейший человек? Да и в самом деле, как можно заподозрить, что принцесса Генриетта, которой только исполнилось пятнадцать, переписывается с главой могущественнейшего ордена Европы! А тон письма говорит о том, что сам отец Жозеф не только не сомневается в такой возможности, но и уверен, что дело обстоит именно так. Более того, капуцин настойчиво советует приставить к Ее Высочеству толковых агентов с целью перехвата дальнейших писем и предотвращения личных встреч принцессы с Великим магистром.

– Он определенно сошел с ума, – недоуменно произнес Ришелье. – Ему везде мерещатся заговоры, особенно если дело касается «Молчаливых»... Да, с тех пор как генеральный викарий капуцинов Окино переметнулся к вальденсам и над орденом нависла угроза упразднения, эти «Молчаливые» захватили нешуточную власть. И, хотя с того времени прошло почти восемьдесят лет, ситуация ничуть не изменилась. Даже ордену Иисуса³⁸, который создал Папа для борьбы с протестантами, не удалось ее переломить. Но у де Молина должны быть дела поважнее, чем стремление заручиться дружбой девочки, хоть и сестры короля Франции... С другой стороны, отец Жозеф никогда не давал плохих советов...

Кардинал задумался. Он хорошо помнил роль капуцина в своем собственном возвышении, да и представить себе не мог, что безумие могло поглотить кипучий ум этого гениального человека. Это было невероятнее, чем даже предполагаемое существование переписки.

– Что же, – сказал себе этот второй, а на самом деле первый властитель Франции, – я ничем не рискую. Поступим так, как просит Жозеф. Капуцин никогда не давал плохих советов, а по его возвращении из Рима я смогу узнать подробности...

Решив так, Ришелье решительно дернул за шнурок звонка.

– Рошфор³⁹, пригласите ко мне мадам Дессанж, – приказал он вошедшему. – Она должна прибыть незамедлительно. Да, и разыщите Лемерсье⁴⁰. Он еще не ознакомил меня с проектом моего будущего дворца. Скажите ему, пусть поторопится. Первому министру Франции пристало иметь дом, достойный его положения.

Рошфор согласно кивнул и исчез так же быстро, как и появился.

³⁶ Франсуа Леклер дю Трамбле (4.11.1577—18.12.1638), известный также как отец Жозеф, французский монах ордена капуцинов, доверенное лицо и агент кардинала Ришелье. Серым кардиналом его прозвали за серый цвет носимого им плаща. Кардинальский же сан он получил лишь незадолго до своей смерти в 1638 г.

³⁷ Орден Братьев Меньших Капуцинов (лат. *Ordo Fratrum Minorum Capucinozum*; кратко – Капуцины) – монашеский орден, ветвь францисканцев; первоначально насмешливое прозвище, относившееся к остроконечному капюшону, носимому членами этого ордена. Основан в 1525 г. миноритом Басси в Урбино, утвержден в 1528 г. папой Климентом VII и в 1529 г. получил чрезвычайно строгий устав. Когда генеральный викарий ордена Окино перешёл в протестантство (1543), капуцинам грозило упразднение.

³⁸ Иезуиты (Орден Иезуитов; официальное название «Общество Иисуса» (лат. *Societas Jesu*) – орден Римско-католической церкви, члены которого дают обет прямого безусловного подчинения папе римскому. Был основан в 1534 г. Игнатием Лойолой и утвержден Павлом III в 1540 г.

³⁹ Эркуль Франсуа де Пинкерле, граф де Рошфор (род. 30 января 1591 г.) – паж, потом лейтенант и, наконец, капитан гвардейцев кардинала Ришелье. Сыграл ключевую роль в разоблачении «дела Шале» в 1626 г.

⁴⁰ Лемерсье, Ле Мерсье (Lemercier, Le Mercier) Жак (около 1585–1654), французский архитектор. Соединял принципы классицизма и барокко. Построил Кардинальский дворец (позже – Пале Рояль (Palais-Royal) для кардинала Ришелье в 1629–1634 гг.

Кардинал откинулся на спинку кресла. Огонь, горевший в камине, отбрасывал причудливые тени, которые плясали в унисон мыслям этого великого человека.

В тот момент Арману-Жану дю Плесси, кардиналу де Ришелье, уже исполнилось сорок лет. Высокого роста, худощавый, с болезненным цветом угловатого лица и слишком прямыми волосами, чуть тронутыми сединой, он не был красавцем, и ничто в его внешности не располагало к себе людей. Но цепкий внимательный взгляд, высокий лоб мыслителя или поэта, тонкие подвижные пальцы выдавали в нем человека незаурядного, но отнюдь не гения, которым он в действительности был.

Прошел только год с тех пор, как этот необыкновенный человек сумел заполучить реальную власть в государстве, постоянно расшатываемую происками его врагов, спорами короля с матерью, и, наконец, неприязнью Людовика к нему самому. Выполняя функции первого министра Франции, Ришелье фактически еще не получил это звание и зависел от королевских милостей едва ли не больше, чем последний дворянин королевства. Чтобы так высоко подняться, ему понадобилось долгих двадцать лет взлетов, падений, успехов и поражений, забвения и восхождения, и вот только сейчас, достигнув вершины, господин первый министр начал понимать тяжесть того бремени, которое он на себя взвалил.

Да, в ту пору Франция была слабым разобщенным государством, где королевскую власть оспаривали могущественные губернаторы и принцы крови. Казна, так заботливо пополняемая первым министром короля Генриха IV, Сюлли, была истощена еще в первые годы правления регентши Марии Медичи. Непоследовательная внешняя политика этой ветреной дамы отнюдь не укрепила престиж Франции, зато отвернула от нее старых добрых союзников – Англию и Венецию, а гугенотские восстания раскачивали королевский трон не хуже, чем буря утлое судно в океане. Ришелье понимал, что договор при Монпелье⁴¹, где несколько лет назад потерпел поражение герцог де Роан и его сторонники, дает возможность обеим воюющим сторонам собраться с силами, но никак не гарантирует ни мира, ни спокойствия в государстве. Теперь же к существующим проблемам добавилась еще одна, так что письмо отца Жозефа сулило сделать его и без того беспокойные ночи бессонными.

– Де Молина... – тихо проговорил кардинал. – Какого дьявола ему понадобилось закручивать дружбу с глупой девчонкой? Или не такой уж и глупой?

Через пять дней после известия о смерти д'Эгмона Генриетта Французская настолько пришла в себя, что решила покинуть свои покои, чем несказанно обрадовала фрейлин и особенно баронессу Сент-Люс. Именно Элен и было разрешено первой переступить порог спальни Ее Высочества, куда во время добровольного заточения принцессы вход был категорически запрещен.

Девушка нашла принцессу немного бледнее обычного, довольно спокойной. Генриетта даже улыбнулась подруге.

– Итак, Элен, – произнесла принцесса, видя немой вопрос в ее глазах, – неприятности не появляются и не исчезают сами по себе. За ними всегда стоит чья-то воля и интерес. Вот только сидеть и предаваться отчаянию я больше не стану!

Элен ничего не поняла, но не решилась расспрашивать Генриетту, которая вертелась перед зеркалом.

– Я ужасно выгляжу, – проговорила принцесса, оглядев себя. – Нужно одеться. Ни друзья, ни враги не должны видеть, в каком я отчаянии.

Она подошла к туалетному столику, позвонила. Через некоторое время вошла высокая дама, лет сорока, с резкими чертами лица, присела в реверансе.

⁴¹ Договор при Монпелье (18.10.1622 г.) – соглашение между Людовиком XIII и гугенотами во главе с герцогом Анри де Роаном, подтвердило Нантский эдикт, но оставило протестантам во Франции только две крепости – Ла-Рошель и Монтбан.

– Ваше Высочество...

– Что вы здесь делаете, мадам Дессанж? – удивилась принцесса.

– Ее Величество, королева-мать приставила меня к вам в качестве камер-фрейлины. Она считает, что мадам Дантрэг слишком легкомысленна и не может далее исполнять свои обязанности.

– Королева-мать, король или Его Высокопреосвященство? – уточнила Ее Высочество, протягивая гребень Элен и жестом приглашая помочь ей с прической.

– Какая разница, Ваше Высочество? Все делается для вашего блага, и я не думаю, что вы в том положении, что можете что-либо возразить, – решительно произнесла дама.

– И где сейчас мадам Дантрэг? – перебила ее Генриетта.

– Она с мужем отбыла в Прованс, в имение графа. Свежий воздух пойдет ей на пользу. Бедняжка так слаба здоровьем, – вздохнула графиня.

– Да, будем надеяться, ей станет лучше, – безучастно проговорила принцесса, обдумывая возвращение мадам Дессанж. – Ну что ж, – продолжила она через некоторое время, когда ничего придумать так и не удалось, – поскольку вы опять моя... – она кашлянула – камер-фрейлина, то будьте любезны немедленно заняться моими туалетами. Сейчас я собираюсь надеть розовое платье с рубинами, а к вечеру мне понадобится... зеленое с золотым шитьем, с отделкой из брюссельских кружев.

Лицо дамы постепенно наливалось краской.

– Ваше Высочество, – решительно начала она, – я здесь...

– Полагаю, затем, чтобы исполнять мои желания? – наивно поинтересовалась Генриетта. – Впрочем, если вас что-либо не устраивает, вы всегда можете составить компанию мадам Дантрэг, и я буду рада дать вам разрешение удалиться.

Возмущенная мадам Дессанж громко хмыкнула, выдавив презрительную улыбку. Генриетта тоже улыбнулась. Затем встала и вплотную приблизилась к фрейлине.

– Мадам, я действительно не могу сейчас оспаривать Ваше назначение, – преувеличенно спокойно произнесла принцесса, – но...

Тут ее глаза сузились и метнули такую молнию, что графиня отступила на шаг.

– Но, – продолжила Генриетта, – если вы будете совать нос в мои дела (затем вас и приставили) и я вас застану за этим занятием, то...

– То что? – с язвительной ухмылкой поинтересовалась графиня.

– То я собственноручно выкину вас из вон того окна или другого, если оно окажется на подходящей высоте, – невозмутимо ответила Генриетта. – Я думаю, что Его Высокопреосвященство извинит меня. А теперь уходите, и без моего разрешения не показывайтесь мне на глаза!

Она улыбнулась, глядя на бледное от ярости лицо мадам Дессанж.

– Да, и займитесь моими туалетами. Помните, розовое, с рубинами?

И видя, что мадам не собирается уходить, принцесса неожиданно метнула маленький кинжал, который воткнулся в дверь в нескольких дюймах от головы мадам Дессанж. Графиня закричала и отскочила от двери.

– Я же сказала, уберите! – воскликнула Генриетта, доставая второй кинжал и прицеливаясь. – Я ведь могу и не промахнуться...

Не дожидаясь продолжения, бледная от ужаса мадам Дессанж выбежала из комнаты.

– Ну вот, встреча состоялась, – улыбнулась принцесса, лукаво подмигнув Элен.

– Да, уж, – расхохоталась фрейлина. – Но не так, как планировала графиня!

– Мадам привыкла иметь дело с кроткой и покладистой девочкой, – задыхаясь от смеха, проговорила Генриетта. – Думаю, сейчас я ее разочаровала...

– Я уверена в этом, Ваше Высочество, – проговорила баронесса со смешком. – Но меня удивляет ее возвращение.

– Ладно, Элен, нужно закончить прическу, – сказала Генриетта, садясь в кресло. – Думаю, мадам еще скажет свое слово, но сейчас она заботит меня меньше всего... А в ее возвращении нет ничего странного, вероятно, на семейном совете было решено присматривать за мной, особенно после истории с д'Эгмоном... Придется потерпеть эту особу еще немного.

– Ваше Высочество, разрешите? – робкий голос перервал ее.

– А, это ты, Кэтти? – обернулась принцесса.

В дверях стояла худенькая и бледная девушка, больше похожа на привидение, чем на живого человека.

– Я принесла для Вашего Высочества платье с рубинами. Мадам Дессанж сказала, что вы хотите надеть его.

– Спасибо, Кэт, – сдерживая улыбку, произнесла Генриетта, – можешь идти. Кстати, если заметишь, что эта... мм... мадам слишком чем-то или кем-нибудь интересуется, сообщи мне. – Элен, ты тоже присматривай за ней.

– Да, принцесса, – согласились девушки, – непременно.

– Значит, я могу быть спокойна, – кивнула Генриетта. – Графиня права, после ссылки мои отношения с Луи несколько не улучшились, и я не стану рисковать остатками нашей дружбы. Слишком много чести для этой особы.

Генриетта даже не могла предположить истинную причину возвращения мадам Дессанж. И поэтому без задней мысли обратилась к Ришелье с просьбой о возвращении мадам Дантрег. Конечно же кардинал не пошел на уступки. А через неделю произошло событие, о котором придворные еще долго шептались, пересказывая друг другу подробности, не всегда правдивые. Имя Генриетты стало обрастать зловещими слухами.

А дело было так. Неожиданно вернувшись с прогулки, принцесса застала мадам Дессанж за чтением ее личной корреспонденции, хранившейся в ящике бюро. Там не было ничего ценного, кроме письма Мари де Шеврез, которое принцесса получила вчера.

По непонятной причине Ришелье недолюбливал красавицу герцогиню, помня о первом муже Мари – де Люине, который лишил его поста государственного секретаря. Но злые языки, говоря о причине такой ненависти, вспоминали историю с сарабандой. Этот танец влюбленный кардинал танцевал перед Анной Австрийской, нарядившись в костюм шута. Да, Мари де Шеврез, предложив молодой королеве сыграть с ним такую шутку, дала ей, несомненно, плохой совет. Но в противоречивой натуре Ришелье влюбленный всегда уступал место политику, так что рискнем предположить, что причиной этой неприязни был все же Люинь...

Впрочем, прекрасная герцогиня платила кардиналу той же монетой...

Итак, в письме упоминалось имя графа Холланда⁴², который был послом Джеймса I⁴³ при французском дворе и одновременно любовником красавицы герцогини. Генриетта связывала с ним некоторые надежды. О связи Мари с этим лицом кардиналу знать было незачем.

С искаженным яростью лицом принцесса выхватила письмо из рук графини.

– Я это знала! – воскликнула Генриетта. – Вас приставили шпионить за мной. Говорите, что вы искали!

Мадам рассмеялась ей прямо в лицо.

⁴² Генри Рич, граф Холланд (19.8.1590 — 9.3.1649), сын Роберта Рича, графа Уорвика. Придворную карьеру начал еще в 1610 г. при короле Джеймсе I Английском, быстро став его фаворитом. Однако после воцарения Чарльза I карьера Рича пошла на убыль.

⁴³ Джеймс VI Шотландский, он же Джеймс I Английский (англ. James, лат. Iacobus; 19 июня 1566 г., Эдинбург, Шотландия – 27 марта 1625 г., дворец Теобальдс, графство Хертфордшир, Англия) – король Шотландии (с 24 июля 1567 г. – под опекой регентского совета, с 12 марта 1578 г. – единолично) и первый король Англии из династии Стюартов с 24 марта 1603 г... Джеймс I был первым государем, правившим одновременно обоими королевствами Британских островов. Великобритании как единой державы тогда еще юридически не существовало, Англия и Шотландия представляли собой суверенные государства, имевшие общего монарха.

– Это мое дело, моя принцесса. К тому же мне угодно видеть все ваши письма, Ваше Высочество, а не только это, так что позвольте...

И она попыталась вырвать бумагу из рук Генриетты.

– Да как вы смеете! – возмутилась принцесса.

– Смею, Ваше Высочество, смею. А вам я советую прикусить язык, если не хотите вернуться в монастырь. На этот раз – навсегда.

От подобной наглости у принцессы пропал дар речи. Она стояла перед своей же фрейлиной с видом провинившейся школьницы, а та нагло смеялась ей в лицо. Ей, дочери Генриха IV!

– Нет, я не буду жаловаться королю, – прошептала Генриетта, – с тобой я и сама справлюсь...

Принцессе на глаза попалась бутылка с чернилами, она машинально взяла ее и разбила о край стола. Чернила забрызгали платье, но ее это не заботило. В руках Генриетты остался большой осколок стекла, измазанного чернилами. Она изо всех сил полоснула этим осколком по лицу мадам Дессанж.

Графиня бросилась бежать. Но Генриетта схватила ее за волосы, и, запрокинув ее голову назад, нанесла еще несколько глубоких порезов.

Мадам Дессанж была гораздо сильнее принцессы. Ей удалось вырваться, но дело было сделано. С воплями ужаса графиня держалась за израненное лицо, а кровь, вперемешку с чернилами, заливала белые кружева на ее платье.

На ее крики сбежалась охрана.

– Очень кстати, – заявила принцесса, увидев испуганные лица стражников. – Соберите всех моих фрейлин и слуг в этой комнате, я хочу с ними поговорить.

Гвардейцы со всех ног бросилась исполнять приказание. Подождав, пока все собрались, Генриетта обратилась к присутствующим:

– Дамы и господа! Я хочу, чтобы вы посмотрели сюда. – Она кивнула в сторону мадам Дессанж. – Вглядитесь и запомните, как выглядит лицо предателя. Всякий, уличенный в шпионаже, будет претендовать на такое же, если только я не оставлю его совсем без лица и без головы заодно. Можете идти. А вы, мадам, – усмехнулась принцесса, – прежде чем рассказывать кардиналу о содержимом моих бумаг, посмотритесь в зеркало...

А на утро следующего дня Генриетта недосчиталась пятнадцати человек прислуги, включая и мадам Дессанж.

– Думаю, это еще не все, но начало положено, – сказала она Элен...

Кардинал пришел в бешенство и пожаловался на поведение принцессы Его Величеству.

– А почему это так вас волнует? – поинтересовался Людовик, внимательно выслушав министра.

– Я считаю, что такое поведение недопустимо.

– Ваше Преосвященство, если Вас это заботит, поговорите с Генриеттой сами. Кстати, ваш сан послужит оправданием для вмешательства.

Людовик не выносил семейных сцен. А Ришелье почему-то предпочел обойтись без этого разговора...

Глава 5. Жребий брошен

Людовик де Бурбон, граф де Суассон, и Генриетта Французская были названы женихом и невестой еще в том невинном возрасте, когда дети помышляют об игрушках и о материнском молоке и меньше всего способны думать о супружеских узах. Людовику было всего шесть лет, когда ему впервые показали малютку-принцессу, спавшую в колыбельке с золотыми королевскими лилиями, и объявили, что это его будущая жена.

Мальчик нахмурился. «Жена» ему ничуть не понравилась.

– Такая маленькая и уродливая? – недоверчиво спросил он и тут же получил от матери, Анны де Монафи-Суассон, пару крепких пощечин.

– Мой дорогой, принцесса Генриетта вырастет и станет настоящей кравицей, – заявила эта достойная женщина, которой пришлось немало потрудиться, чтобы вырвать согласие Марии Медичи на этот брак, – тогда Вы и женитесь на ней.

Луи закусил губу, чтобы не разреветься от боли и обиды. Слова матери его ничуть не утешили, и он чувствовал себя самым несчастным человеком на земле.

Впрочем, обещание Анны де Монафи-Суассон сбылось. Принцесса повзрослела и стала красавицей, хотя и была ростом по плечо своего не слишком высокого жениха. Вот только двадцатидвухлетний юноша по-прежнему не был расположен к семейной жизни, считая свою помолвку с пятнадцатилетней Генриеттой простой формальностью, но продолжал пользоваться всеми привилегиями члена королевской семьи. После смерти своего отца, Карла де Бурбона, Людовик стал губернатором провинции Дофине и теперь заглядывался на Шампань, богатейшую провинцию Франции.

Впрочем, Людовик XIII и Мария Медичи не торопились с бракосочетанием, пока не стало известно о связи Генриетты с графом Ла Рош-Гюйоном. Король вызвал к себе кузена для серьезного разговора. Оба Людовика быстро пришли к соглашению – граф де Суассон получал руку принцессы и провинцию Шампань в качестве приданого.

Генриетта несколько опередила брата в стремлении возвратиться ко двору, а благодаря предстоящей свадьбе Людовик согласился простить сестру.

Принцесса не очень возражала против такого поворота событий. Французский двор отнюдь не являлся образцом добродетели, и Генриетта надеялась, что в качестве замужней дамы она сможет без помех встречаться с Ла Рош-Гюйоном. Но после смерти графа все изменилось. Принцесса не желала понимать, почему она должна выходить замуж за «одного из управляющих королевскими землями», как она в порыве гнева назвала жениха.

Десять дней, проведенных в обществе Великого магистра, изменили принцессу настолько, что для ее друзей и родственников это стало настоящим потрясением. Окрыленная блестящими перспективами, которые ей сулили будущее и маркиз де Молина, гордая осознанием своей значимости, она нашла силы сказать решительное «нет» своему бракосочетанию с графом Суассоном. И сейчас, восхищаясь собственной смелостью, она бесстрастно смотрела в лицо всем членам королевского Совета: в яростное – Марии Медичи, в удивленное – короля, и в холодно-невозмутимое лицо кардинала Ришелье. Именно он, первый министр Франции, и предотвратил надвигающийся семейный скандал.

– Ваше Высочество, – произнес он, с силой сжав руку Марии Медичи, призывая ее к спокойствию, – на правах духовного лица я прошу объяснить, почему Вашему Высочеству было угодно принять такое решение?

– Я отвечу вам, Ваше Преосвященство, – заставляя себя говорить спокойно, ответила Генриетта. – Если бы я хотела стать провинциальной графиней, я бы вышла замуж за графа д'Эгмона, хотя бы потому, что я любила этого человека. Я не люблю кузена Людовика, он не любит меня. Так скажите, почему я должна выйти за него замуж?

Как ни владел собой кардинал, но даже он не смог подавить своего удивления от решительности принцессы, которую он попросту не замечал до того момента, как стало известно про ее увлечение вождем гугенотов.

– Но чего же желает Ваше Высочество? – спросил Ришелье. – Говорите, и я уверен, мы найдем решение, которое удовлетворит всех собравшихся...

– Мое высочество желает достойного брака, – ответила Генриетта. – Господин кардинал, Ваше Величество, матушка! Будьте последовательны: вы дали в мужа Кристине⁴⁴ герцога Савойского, Елизавета⁴⁵ стала королевой Испании, а я? Я должна выйти за человека, единственное достоинство которого состоит в том, что он является принцем королевской крови! Этого не будет!

На глазах принцессы заблестели слезы.

– Ваше Высочество, вы разываете мне сердце! – воскликнул кардинал, протягивая ей свой платок. – Умоляю вас, успокойтесь. Я уверен, что ни Его Величество, ни Ее Величество...

– Господин кардинал, я сама способна позаботиться о своей дочери! – оборвала его Мария Медичи. – И я позабочусь!

– Если Ваши Величества не возражают, я думаю, принцессе лучше пойти к себе и успокоиться, – прервал ее Ришелье.

Не дожидаясь позволения, Генриетта вышла, громко хлопнув дверью.

– Ваше Величество, – обратился к королю Ришелье, дождавшись, когда звуки ее шагов затихли, – я прошу позволения высказать свои соображения.

– Говорите, господин кардинал, говорите, – зевнул Людовик, которого крайне утомил этот разговор.

Король не выносил семейных сцен, и кардиналу это было хорошо известно.

– Я согласен с Ее Высочеством, – заявил Ришелье. – Брак принцессы с Суассоном абсолютно бесполезен для французской короны. Ее Высочество еще дитя, и мы можем подождать еще несколько лет, подбирая достойную кандидатуру. Да и вы сами, Ваше Величество, согласились на этот союз только из опасений, вызванных... ммм... отношениями Ее Высочества с господином д'Эгмоном...

– Не произносите при мне этого имени! – воскликнула королева-мать. – Этот мерзавец...

– ...без сомнения, заслужил свою участь, – примирительно закончил Ришелье. – Что же касается принцессы, то Ее Высочество действительно слишком молода для замужества...

– Господин кардинал, изложите ваши соображения, – перебил его король.

– Слушаюсь, государь. Итак, поскольку отношения между Ее Высочеством и д'Эгмоном прерваны, я не вижу необходимости в брачном союзе между принцессой Генриеттой и графом Суассоном, – закончил кардинал. – А с политической точки зрения этот союз стал бы почти преступлением...

– Довольно, сударь, – закончил король. – Я понял вас. На правах духовного лица вы объявите сестре, что я принял решение не торопиться с ее бракосочетанием с графом Суассоном. Отложим свадьбу на год. А вы, матушка, поговорите с нашим кузеном. И посоветуйте ему чаще

⁴⁴ Кристина Мария Бурбон (10 февраля 1606 г., Париж – 27 декабря 1663, Турин) – французская принцесса, после замужества герцогиня Савойская. Вторая дочь и третий ребенок короля Франции Генриха IV и его второй жены Марии Медичи. Овдовев в 1637 г., Кристина стала регентшей при своих малолетних сыновьях. После смерти ее старшего сына Франциска-Гиацинта в 1638 г. братья ее покойного супруга развязали в Савое гражданскую войну, претендуя на престол. Последующие четыре года борьбы принесли победу Кристине, и она фактически правила государством до самой своей смерти, хотя официально ее регентство при сыне Карле-Эммануиле закончилось в 1648 г.

⁴⁵ Елизавета (Изабелла) Бурбонская (фр. Élisabeth de Bourbon, 22 ноября 1602 г., Фонтенбло – 6 октября 1644 г., Мадрид) – французская принцесса, дочь Генриха IV, короля Франции и его второй жены Марии Медичи. 25 ноября 1615 г. была выдана замуж за короля Испании Филиппа IV. Родила ему восьмерых детей, из которых только самая младшая дочь Мария-Терезия достигла совершеннолетия и стала впоследствии женой французского короля Людовика XIV.

навещать свою невесту. Если бы он был к ней внимательнее, Генриетта благосклоннее бы к нему относилась. Да и этой истории с д'Эгмоном, возможно, не произошло бы... Это все.

С этими словами король вышел из кабинета, чтобы предаться своей любимой охотничьей забаве. Королева и кардинал проводили его почтительными поклонами.

Это был далеко не первый спор, в котором Ришелье одержал победу над точкой зрения королевы-матери. Но Мария Медичи еще не чувствовала опасности, и совершенно зря! Первый министр Франции, кардинал Ришелье, обязанный ей не только высоким званием, но и жизнью, стремительно набирал силу и не нуждался больше в своей высокой покровительнице. Он крепко ухватил удачу за хвост и не собирался ее отпускать.

А неприятности подстерегали короля Франции даже в садах Тюильри, где он решил развлечь себя стрельбой по птицам. По нелепой случайности, свинцовый заряд попал не в глупую ворону, а застрял в пышной прическе Анны Австрийской, которая в это время прогуливалась по тенистым аллеям. И без того натянутые отношения между супругами испортились окончательно...

Только один человек был по-настоящему счастлив. Генриетта Французская все же получила от короля желанную отсрочку. Теперь будущее принцессы находилось в ее руках.

Потом состоялся знаковый разговор с маркизом де Молиной, с которым и были связаны все надежды Генриетты. Бесспорно, кардинал Ришелье очень удивился, если бы узнал, что Валенса прибыл в Париж, чтобы встретиться с принцессой.

– Вы дорого цените свою жизнь? – полушутя-полусерьезно спросила Генриетта, пристально вглядываясь в лицо Великого магистра.

Она уже сообщила ему о своем разговоре с братом и матерью.

– Да, Ваше Высочество, я помню, что обязан вам своим спасением, – кивнул де Молина.

– Это так, сударь, а вы обещали мне свою помощь и покровительство...

– Ваше Высочество желает о чем-то попросить? Говорите. Если то, что вы хотите, в моих силах и в интересах ордена, я это сделаю.

– Мне нужна корона.

– Вот как? Но вам не хуже меня известно, что во Франции женщина не может сесть на престол. Вековая традиция. К тому же у вас есть два брата – законные наследники трона. От них, конечно, избавиться проще, чем сменить закон, но нет никаких гарантий, что, сделав это, вы все-таки получите корону.

– Все гораздо проще, маркиз. Я могу получить корону, выйдя замуж.

– Да, это возможно. У вас есть на примете жених?

Молина шутил, но уже начинал опасаться, что она говорит серьезно.

– Да. Принц Уэльский.

– Вот как? Он сейчас в Испании, добывается руки инфанты, которую полюбил, увидев ее портрет, – усмехнулся маркиз.

– Не может быть... Мне ничего не известно...

– И не только вам. Принц находится в Испании инкогнито, под видом простого английского дворянина. Его сопровождают несколько слуг и фаворит Джеймса I – герцог Бэкингемский... Именно он и предложил английскому королю эту авантюру, поскольку испанский король не пожелал выдать дочь за протестанта...

– Герцог Бэкингемский... Первый министр Англии? Но каков его интерес в этом деле? – вознегодовала принцесса, чьи планы рушились прямо на глазах.

– В случае успеха испанцы не посягнут на приданое, а состояние английских финансов оставляет желать лучшего, – вздохнул де Молина. – Однако я склонен предполагать, что, в первую очередь, Бэкингем желает сблизиться с наследником престола...

– Но как король Англии мог допустить такое безумство?

– Он просто ни в чем не может отказать Бэкингему, – рассмеялся Валенс.

– Нет, нет, еще раз нет! – воскликнула Генриетта. – Помолвка еще не состоялась и не состоится. Вы об этом позаботитесь.

– И почему я должен это делать? – поинтересовался де Молина.

– Потому что вы заинтересованы в успехе дела де Роана, – тихо ответила Генриетта. – А если Англия заключит союз с Испанией, думаю, герцог Бэкингемский вряд ли захочет гневить Его Католическое Величество оказанием помощи протестантам... Я, конечно, не сильна в политике, но не нужно обладать государственным умом, чтобы понимать, почему Филипп Испанский не желает выдавать дочь за протестанта. А если и согласится, то выдвинет условия, которые будут не в вашу пользу!

Это были мысли де Роана, изложенные в том самом письме, которое Генриетта прочла в монастыре, но де Молина этого не понял. Он надолго задумался, устремляя на принцессу мимолетные взгляды, от которых ее бросало то в жар, то в холод.

– Вы очень умны, Ваше Высочество, – наконец произнес он. – И хотя во многом ошибаетесь, потому что еще молоды и наивны, но вы созданы, чтобы править... И добьетесь многого, если сможете правильно выбирать друзей...

– Вы же мой друг, не правда ли? – тихо проговорила принцесса.

– Да, Ваше Высочество, – согласно кивнул Великий магистр, – я ваш друг. Но станете ли вы мне другом?

Он наклонился и пристально посмотрел ей в глаза своим леденящим душу взглядом. Но Генриетта даже не покраснела.

– Я полагаю, что да.

И принцесса с кокетливой улыбкой протянула магистру руку, которую тот галантно поцеловал.

– Хорошо, – произнес он, – я не могу ничего обещать, но сделаю все, чтобы вы стали королевой Англии.

Генриетта Французская верила этому страшному человеку. Но и сама не собиралась сидеть сложа руки. Жребий был брошен...

Глава 6. Отец Жозеф

Франсуа Леклерк дю Трамбле (так в миру звали отца Жозефа) был, без сомнения, необыкновенным человеком. Но его необыкновенность, даже гениальность, носила такую зловещую окраску, что не только современники, но и потомки, знакомясь с его биографией, не смогли отделить черное от белого. И даже самый беспристрастный судья, оценивая роль «серого кардинала» в истории Франции и всей Европы, не отмыл от крови и грязи его наследие, а значит, и не сумел объективно оценить его значимость. Воистину, гений и злодейство – вещи неразделимые...

Судьбы и биографии отца Жозефа и кардинала Ришелье так тесно переплелись, что сегодня невозможно отделить их друг от друга. Состоялся бы великий Ришелье без своего «alter ego», угас бы в неизвестности Жозеф дю Трамбле, не будь рядом Ришелье? К счастью, сегодня уже нет нужды искать ответы на подобные вопросы, хотя сам кардинал не раз терзался этой мыслью, повторяя: «Кто я без него?»

Этот же вопрос Ришелье задавал себе и сейчас, выслушивая новости, которые отец Жозеф привез из Рима.

– Итак, в Риме меня считают чуть ли не еретиком из-за поддержки протестантов в Вальтелине⁴⁶, – задумчиво проговорил Ришелье. – Впрочем, это меня мало волнует... хотя, признаться, папский нунций⁴⁷ мне все уши прожужжал о необходимости защиты святой церкви. Нет, я стреляный воробей, и меня подобными сентиментами не проймешь! Зато под носом у Габсбургов будет настоящее осиное гнездо, опирающееся на мощь французской армии.

– Герцог Савойский выразил готовность осадить Геную, дабы препятствовать переброске испанских войск в Вальтелин, а также в Германию и Нидерланды, – подал голос отец Жозеф.

Он встал и подошел к камину. Невысокий, коренастый, в простой серой рясе, с крупным, примечательным лицом палача или мясника, с объемистой бородой, крупным носом и выпуклыми, как у жабы, глазами, горевшими безумным пламенем, он смотрелся несколько странно в роскошной обстановке кабинета, хотя эти стены видели и посетителей почуднее...

Монах протянул ладони к огню, чтобы согреть их, потом покрепче запахнул в свою хламиду:

– Старею, друг мой, – ответил он на немой вопрос кардинала, – кровь стынет в жилах. Наверное, мое мертвое сердце неспособно заставить ее быстрее бежать по венам...

– Читали труд Уильяма Гарвея⁴⁸? – понимающе кивнул Ришелье. – Я тоже, и хотя наши придворные медики охрипли, доказывая его абсурдность...

– Я сейчас не об этом, – поморщился Жозеф. – Моя немощь не станет помехой для устранения врагов Франции. Хотя нам прежде всего нужно думать о друзьях. И если все враги Габсбургов⁴⁹ еще не союзники Франции, то в этом виноваты вы, друг мой. А история не прощает бездействия.

⁴⁶ Вальтелина – земли, входящие в состав Граубюндена, протестантского кантона на юго-востоке Швейцарии. В 1624–1626 гг. вспыхнул конфликт между Габсбургами и Швейцарией за управление этой территорией. Французская армия выступила на стороне протестантов, что вызвало недовольство Испании и Рима. 5 марта 1626 г. между Испанией и Францией был заключен Монзонский договор. По этому договору Вальтелина оставалась под властью Граубюндена, но на ее территории не должны были находиться ни испанские, ни французские войска.

⁴⁷ Нунций (от лат. *nuntius* – вестник) – постоянный дипломатический представитель папы римского в государствах, с которыми папа поддерживает официальные дипломатические отношения.

⁴⁸ Уильям Гарвей (англ. *William Harvey*; 1 апреля 1578 г., Фолкстон (графство Кент) – 3 июня 1657 г., Лондон) – английский медик, основоположник физиологии и эмбриологии. В 1631 г. был назначен лейб-медиком короля Англии Чарльза I Стюарта.

⁴⁹ Габсбурги (нем. *Habsburger*) – одна из наиболее могущественных монарших династий Европы. Представители династии известны как правители Австрии (с 1282 г.), трансформировавшейся позднее в многонациональную Австрийскую империю (до 1918 г.), являвшуюся одной из ведущих европейских держав, а также как императоры Священной Римской империи, чей

– Я не понимаю вас, отче, – заметил Ришелье. – Я же предоставил Нидерландам субсидию в миллион двести тысяч ливров за продолжение войны с Испанией.

– Этого мало, – серьезно заявил Жозеф. – Нужны новые союзники – Швеция, Турция, Англия... особенно Англия, которая сейчас так жаждет брака принца Уэльского и инфанты Испании.

– И пока существует хоть призрачная возможность этого брака, Англия нам не союзник, – заявил Ришелье. – А насчет Швеции вы правы. Густав-Адольф⁵⁰ – очень многообещающий полководец. Я подумаю об этом. Но вот еще что... В последнем письме вы писали о связи принцессы Генриетты и Великого магистра «Капушонов»...

– Писал. И настоятельно советовал Вашему Преосвященству следить за Ее Высочеством. Но вы конечно же, мне не поверили?

– Не поверил, – согласился Ришелье. – Хотя поведение Ее Высочества и вызывает некоторые опасения...

– Не продолжайте, я и так знаю все, что вы хотите мне сказать, – махнул рукой капуцин. – Лучше прочтите вот это письмо.

Он протянул кардиналу обгорелый лист бумаги.

– То, что эта бумага попала в наши руки, – большая удача, – усмехнулся он в ответ на немой вопрос Ришелье. – Наш человек вытащил ее из камина, куда ее бросил сам Муций Вителлески⁵¹.

– Генерал иезуитов? – изумился Ришелье. – У вас длинные руки, отец Жозеф.

– И тощий кошелек, Ваше преосвященство, предупреждаю вас.

– Я заставлю короля раскошелиться, – усмехнулся кардинал, разворачивая письмо. – Он не может не понимать, что хорошая агентура в наши дни решает все. Итак, что тут у нас...

«Милостивый государь, довожу до вашего сведения, что мне стали известны возможные адреса пребывания в Париже интересующего вас лица. Это дом № 6, что на улице Бурдоне, дом № 14 на улице Флери, дом № 13 на улице Медников, и № 2 на улице Ада. В последний раз объект был замечен именно по последнему адресу третьего числа сего месяца, во время свидания с Ее Высочеством Генриеттой Французской, сестрой короля Франции. Содержание разговора неизвестно. Ее Высочество прибыла инкогнито, в карете, в сопровождении двух вооруженных мужчин. Их личности не установлены. Но я настойчиво обращаю ваше внимание на контакты М. с принцессой, поскольку есть основания предполагать, что они происходят регулярно.

К сведению: Принцессе Генриетте 15 лет, она необыкновенной красоты брюнетка, маленького роста. Была замечена в любовной связи с графом д'Эгмоном, доверенным лицом вождя гугенотской партии во Франции де Роана, пользующегося покровительством вышеуказанного М. По последним сведениям, д'Эгмон погиб на дуэли с неизвестным.

Прошу вашего позволения продолжать подготовку операции по устранению М. Прошу подтвердить...»

Огонь уничтожил конец послания. Ришелье смотрел на его обгорелый край, собираясь с мыслями.

– Генриетта связана с гугенотским заговором? – спросил он у отца Жозефа.

престол Габсбурги занимали с 1438 по 1806 г. (с кратким перерывом в 1742–1745 гг.). Во время, описываемое в романе, Габсбурги правили Испанией, Венгрией, Хорватией, Португалией, Неаполитанским королевством.

⁵⁰ Густав II Адольф (швед. Gustav II Adolf, лат. Gustavus Adolphus, 9 декабря 1594 г., Стокгольм, Швеция – 6 ноября 1632 г., погиб в бою; Германия) – именовался Северным Львом, король Швеции, поборник протестантского дела в Тридцатилетней войне, один из наиболее выдающихся военачальников всех времен.

⁵¹ Муций Вителлески (род. 2 декабря 1563 г. – ум. 9 февраля 1645 г.). Генерал Общества Иисуса (ордена иезуитов) с 15.11.1615 г. Вступил в Общество 15 августа 1583 г. Профессор философии и теологии. Провинциал Неаполитанской (1602–1605) и Римской (1608–1615) провинций. Управлял Обществом свыше 30 лет разумно и внимательно. Время его правления можно назвать «золотым» для миссий в Китае.

– Не знаю, Ваше Преосвященство, ничего не знаю. Поэтому и просил вас установить слежку. Уверен, иезуиты нас уже опередили...

– Я приставил к Генриетте мадам Дессанж, – смущенно признался кардинал.

Он рассказал бледному от злости капуцину историю изгнания графини из Лувра.

– Браво, Ваше Высокопреосвященство, – язвительно заметил отец Жозеф, когда кардинал закончил оправдываться, – вы превзошли самого себя.

– Но откуда я мог знать! – воскликнул Ришелье. – И потом, все это так невероятно, что я до сих пор не могу отделаться от мысли, что вы решили надо мной подшутить...

Он осекся, увидев возмущенное лицо капуцина.

– Нужно исправлять ситуацию, – примирительно заключил кардинал. – Вот только как?

Отец Жозеф ненадолго задумался.

– Вы довольны графом Рошфором, монсеньор? – спросил он вставая.

– Это неоценимый человек, – серьезно ответил Ришелье. – И дня не проходит, чтобы граф не упустил возможности подтвердить мое лестное мнение о нем...

– Я так и думал, – усмехнулся отец Жозеф, открывая дверь. – Войдите, шевалье.

В кабинет вошел уже знакомый нам граф де Рошфор...

Генриетта Французская очень бы удивилась, если бы узнала, насколько первый министр заинтересовался ее скромной особой. Во всяком случае, его желание во что бы то ни стало проникнуть в ее женские тайны оказалось таким сильным, что господин де Ришелье решил отбросить все правила приличия. Он безоговорочно приказал графу Рошфору внедрить в число слуг принцессы кого-нибудь надежнее графини Дессанж.

– Найдите сообразительного мужчину низкого звания, – прояснил кардинал свою мысль. – Он должен стать слугой, посыльным, доверенным лицом...

– Почему именно мужчина? – возразил Рошфор. – Женщины склонны изливать свои тайны подругам.

– Возможно, но заменить кем-то Элен Сен-Люс в глазах принцессы трудно, а подкупить ее вам не удалось, – ответил кардинал.

У отца Жозефа было на этот счет другое мнение.

– Принцесса – страстная женщина, и ей нужен любовник, – сказал он кардиналу. – Да, да, и не смотрите на меня так. У графа д'Эгмона все равно рано или поздно появится преемник. И, если все сложится удачно, он удовлетворит и принцессу, и наше любопытство. К тому же от него всегда можно избавиться без особых хлопот... Его Величество ведь очень трепетно относится к вопросам чести членов королевской семьи, не правда ли? Достаточно вспомнить судьбу Кончини, чтобы убедиться в этом. Так что и в том и в другом случае выгода очевидна...

Мысль была действительно стоящая. Рошфору было поручено заняться сразу тремя вариантами.

– Не все, так один обязательно выгорит, – заключил кардинал.

Глава 7. Неожиданный союзник

Весть о том, что Чарльз Английский находится в Испании, уже дошла до Франции, и над неудачливым любовником потешалась вся Европа.

В одно прекрасное утро Анна Австрийская, давась от смеха, рассказала Генриетте итог этой авантюры.

– Моя дорогая, представляешь, моя сестра отвергла принца Уэльского, так как не пожелала выходить замуж за протестанта. Он ни с чем вернулся на свой остров.

– Неужели? – принцесса старалась скрыть радость. – Это точные сведения?

– Да. Но я не верю, что мой брат смог пренебречь таким женихом и возможностями. Думаю, это тонкий дипломатический ход.

Настроение Генриетты немного ухудшилось.

– Но это даже не самое смешное, – продолжала Анна, – Шевретта прислала мне письмо. Сейчас она в своем поместье, но все равно знает, чем пахнет грязное белье всех европейских государей.

– И что же она пишет? – нетерпеливо спросила Генриетта.

– Что очаровательный друг наследника престола, герцог Бэкингам, так усердно помогал принцу добиться благосклонности моей сестры, что обратил ее внимание на самого себя. Каков мужчина, а? Разумеется, король Филипп был вынужден сделать вид, что не одобряет этого брака, и выдворил опасных гостей, чтобы избежать скандала. Герцогиня пишет, что мой брат уже поручил испанскому послу в Лондоне, графу Гондомару, уладить конфликт.

Новости были очень противоречивыми, и Генриетта не знала, что и подумать. В любом случае нельзя было терять ни минуты. Нужно было убедить короля, а еще лучше кардинала, в желательности брака между ней и принцем Уэльским. В то же время никто из них не должен был догадаться о том, что этот союз нужен ей самой.

Анна Австрийская была очень красивой молодой женщиной. Высокая, светловолосая, с прекрасным цветом лица, она ничем не напоминала испанку, а между тем Испания была ее родиной, она приходилась сестрой испанскому королю и австрийскому императору. Только слегка выпяченная, как у всех Габсбургов, нижняя губа напоминала о происхождении королевы. И еще легкий иностранный акцент, который становился заметнее, когда она нервничала...

А расстраиваться королеве приходилось часто. Короля совсем не интересовала красавица жена. Впрочем, женщины вообще мало его привлекали. Поэтому неудивительно, что за десять лет супружества долгожданный наследник французской короны так и не появился на свет...

К несчастью для Анны, ею увлекся сам кардинал Ришелье и всерьез решил сделать королеву Франции своей любовницей. Отвергнув министра самым нелюбезным образом, Анна навлекла на себя его ненависть и месть. Ее собственные фрейлины шпионили и доносили на нее, поэтому несчастная королева не чувствовала себя в безопасности даже в собственной спальне.

Единственной подругой, которой она доверяла, была красавица Мари де Шеврез, жена слабовольного, но высокородного герцога де Шевреза, который полностью находился под ее влиянием. Менявшая любовников как перчатки, Мари настоятельно советовала королеве обзавестись другом сердца. Но пока дальше ее советов дело не шло...

Генриетта Французская уже видела себя английской королевой, но слова Анны Австрийской заставили ее глубоко задуматься.

«Если Анна права и Филипп Испанский действительно желает видеть свою сестру на троне Англии, то французские послы могут охрипеть, убеждая короля Джеймса сменить испанскую инфанту на французскую принцессу. А отношения между Францией и Англией

оставляют желать лучшего, так что чуда ждать не приходится. Конечно, маркиз де Молина обещал свою поддержку, но и я не стану сидеть сложа руки... К тому же разве моя сестра – не королева Испании?»

Вспомнив о Елизавете, Генриетта радостно вскрикнула, удивляясь, как эта простая мысль до сих пор не пришла ей в голову. И в самом деле, кто еще сможет повлиять на мужчину, как не любимая жена? А Елизавета Французская была счастлива в браке, насколько может быть счастлива женщина, будучи замужем за королем Испании и пребывая узницей чудовищного испанского этикета. Тем не менее муж любил и уважал ее за ум и красоту, народ восхищался ее набожностью и добрым сердцем. Словом, Генриетта была права: королева Испании могла поддержать свою сестру в ее стремлении получить корону.

«Елизавета! – как заклинание, твердила Генриетта. – Она должна помочь».

Не откладывая, принцесса бросилась сочинять письмо.

«Ваше Величество и дорогая сестра, – писала она столь быстро, что мысли едва поспевали за движениями пера. – Матушка показала мне ваше письмо, которое весьма меня расстроило. Поэтому шлю свои пожелания скорейшего выздоровления и всяческого благополучия. Матушка тоже за вас тревожится и не перестает молить Бога, чтобы он послал вам сына и наследника испанской короны.

Его Величество, наш брат Людовик, крайне обеспокоен возможностью союза между Испанией и Англией, так как Франция хоть и не воюет с англичанами, но отношения между нашими странами отнюдь не дружественные. Боюсь, этот союз повлечет за собой много неприятностей и мир между Францией и Испанией, достигнутый с таким трудом, будет нарушен...

Поэтому, милая сестра, прошу вас употребить все свое влияние на вашего супруга и короля и убедить его до конца следовать благому порыву своего ума и сердца, изгнав из мыслей возможность постыдного союза с еретиками, как он изгнал из своей страны их послов. Как я слышала, те своим недостойным поведением преступили через гостеприимство, им оказанное...»

Генриетта вздохнула и начала длинный и пространный рассказ о последних дворцовых сплетнях, понимая, что сухой тон письма вызовет ненужные подозрения у Елизаветы и тех лиц, которым она, без сомнения, покажет письмо. Принцесса благоразумно подавила желание написать о своих надеждах заполучить корону, понимая, что такой брак в силу политических обстоятельств не встретит одобрения у испанского короля. Впрочем, и написанного было достаточно...

Закончив послание и перечитав его, принцесса осталась довольна. Нужно найти курьера.

В дверь постучали, и Элен доложила о приходе графа де Бутвиля, которого Генриетта не видела с того момента, как он принес весть о гибели д'Эгмона.

– Бутвиль! – радостно воскликнула принцесса, когда молодой человек склонился перед ней в почтительном поклоне. – Вы даже не представляете, друг мой, как я рада вас видеть...

Генриетта не лукавила. Курьер в Испанию нашелся сам собой.

Глава 8. Телохранители

Ожидая вестей из Испании, Генриетта занималась укреплением своего авторитета при дворе. Она очень сблизилась с Мари де Роган-Монбазон, герцогиней де Шеврез, главной фрейлиной королевского двора и близкой подругой Анны Австрийской. Двадцатипятилетняя герцогиня была красивой, умной и ловкой особой, хотя еще и не явила миру своих подлинных талантов в плетении интриг, за которые позже сам король даст ей прозвище «Дьявол». Судьба всегда была благосклонна к Мари, но все же ей удалось ощутить изменчивость королевской милости.

Первым мужем Мари был небезызвестный Шарль д'Альбер, герцог де Люинь, который обладал неограниченным влиянием на Людовика XIII. Король, помня о своем любимце, после его смерти взял красавицу Мари под свое покровительство. Но герцогиня доказала, что и сама может великолепно о себе позаботиться.

– Я предлагаю вам сделку, – заявила она Клоду Лотарингскому, герцогу де Шеврезу. – Вы женитесь на мне и распоряжаетесь моим состоянием, а я остаюсь при дворе и распоряжаюсь своей жизнью. Во всем остальном – полная свобода для вас и для меня.

К своему несчастью, герцог принял ее условия, и бывшая герцогиня де Люинь стала госпожой де Шеврез.

Но на этом удачливость герцогини, казалось, закончилась... Играя с Анной Австрийской в темных коридорах Лувра, Мари выпустила из виду, что каменные плиты, которыми был выложен пол в Лувре, скользкие, а королева Франции беременна! Анне Австрийской не довелось испытать радость материнства. Поскользнувшись и упав, королева потеряла ребенка.

Гнев короля был страшен. Герцогине было приказано покинуть двор и отбыть в провинцию, откуда принцессе Генриетте с большим трудом удалось ее вызволить...

Преисполненная благодарности, Мари де Шеврез тут же объявила Генриетту своей лучшей подругой, и вскоре принцесса смогла убедиться, что добрые дела действительно вознаграждаются...

Тем временем из Испании вернулся граф де Бутвиль, причем с самыми обнадеживающими вестями. Королева Елизавета заверила свою сестру, что король Филипп «не собирается возобновлять брачные переговоры с королем Англии до тех пор, пока тот не сделает существенные уступки в религиозных вопросах. Таким образом, – писала Елизавета, – Вы, сестра, можете успокоить нашего брата Людовика, так как маловероятно, чтобы англичане согласились на эти условия...»

Генриетта почувствовала себя увереннее. Она немедленно написала об этом маркизу де Молина с предложением повлиять на Джеймса I. Великий магистр обещал свою помощь и всяческое содействие...

Обнадеженная хорошими вестями, Генриетта смогла заняться делом, которое давно занимало ее. Граф д'Эгмон был тихо похоронен в своем родовом поместье, а французская принцесса не могла ни проводить его в последний путь, ни отомстить за его гибель. Со слезами на глазах она призналась в этом графу де Бутвилю.

– Вы хотите найти убийц? – удивился молодой человек. – Но зачем?

– Чтобы отомстить. Я очень любила Армана, а месть – это единственное, что я могу сделать для него, – сжав зубы, проговорила Генриетта. – И если вы влюблены так, как говорите, то должны мне помочь. К тому же д'Эгмон был вашим другом...

Франсуа Монморанси глубоко вздохнул. Ради Генриетты он был готов на все, но не мог не понимать, куда может завести такое расследование.

– Хорошо, моя принцесса, – тихо сказал он. – Вы можете располагать мной. Я сам и все, чем я владею, принадлежит Вашему Высочеству. Но я не справлюсь один. Мне нужны помощники. К тому же я не представляю, с какой стороны подойти к этому делу...

Бутвиль говорил правду. Если бы Генриетта приказала ему умереть за нее, он, не задумываясь, выполнил бы ее приказ. Но интриги были чужды его честной, открытой и бесхитростной натуре. Принцесса понимала это, поэтому сразу попыталась его успокоить.

– Франсуа, мы с вами знаем, что д'Эгмона убили в его же собственном доме, и, стало быть, это происшествие не могло пройти незамеченным. Кто-то из слуг наверняка видел убийцу. Но их или запугали или они не хотят вмешиваться в то, что их не касается. Таким образом, нужно разыскать очевидцев и заставить их говорить. И тут вы правы, граф. Одному, без помощников, вам не справиться. У вас есть на примете надежные люди?

– У меня есть друзья среди мушкетеров и гвардейцев Его Величества. Это честные ребята, и многие могли бы подтвердить их умение владеть шпагой... если бы смогли воскреснуть...

– Устройте мне встречу с вашими друзьями, Бутвиль, – улыбнулась принцесса, – и я обещаю, что они не пожалеют о нашем знакомстве.

Молодой человек выполнил ее просьбу. Он представил принцессе шестерых молодых дворян, которые, впрочем, без особого рвения явились на эту встречу. Но после знакомства их мнение о «крошке принцессе», как они про себя называли Ее Высочество, сильно изменилось...

– Мы готовы служить Вашему Высочеству, – сказал гвардеец де Мюссо, выражая мнение всех присутствующих, – но я и мои друзья служат в полках, охраняющих Его Величество. И боюсь, что военная служба помешает нам доказать Вашему Высочеству свою преданность.

– С этим я как-нибудь справлюсь, – улыбнулась Генриетта...

Спустя некоторое время она уже стояла перед королем с покорнейшей просьбой назначить десятерых дворян ее постоянными телохранителями, добавив к списку людей, рекомендованных Бутвилем, еще четырех из числа гвардейцев, постоянно охранявших ее покои.

– Мне надоело постоянно видеть вокруг себя новые лица, – капризным тоном объяснила принцесса свою просьбу. – Меня утомляет необходимость запоминать новые имена. К тому же некоторые из солдат, которые охраняют меня, грубы и неотесаны, а кое от кого даже воняет лошадиным потом... некоторые – такие уроды, что сам их вид вызывает у меня бессонницу...

– Хорошо, сестра, – прервал ее король, желая поскорее покончить с этим. – Я назначаю этих людей вашими личными телохранителями.

– Благодарю вас, Ваше Величество, – Генриетта присела в церемонном реверансе.

Потом подбежала к брату и, несмотря на сопротивление, расцеловала его в обе щеки.

– Спасибо, Луи, – улыбнулась она, – теперь я смогу спать спокойно...

Очень скоро новые телохранители Ее Высочества заставили всех говорить о себе. Забияки и задиры, как и их предводитель Бутвиль, они словно соревновались друг с другом за право прослыть самыми отъявленными головорезами. А шпагой они владели мастерски. Не проходило и дня, чтобы тот или другой гвардеец Ее Высочества не оказался участником дуэли. Их противники погибали, сами же телохранители принцессы, словно заговоренные, отделялись только легкими царапинами. Чаще всего их жертвами становились слуги и телохранители господина кардинала. Когда восемнадцать человек, охранявших первого министра Франции, оказались или убиты или ранены, его терпение лопнуло, и Ришелье, вне себя от ярости, посетил Генриетту.

К тому времени число гвардейцев Ее Высочества увеличилось втрое. Все они искренне восхищались щедростью, умом и красотой Генриетты, и были ей, безусловно, преданны. Принцесса знала это и была готова защищать своих людей до последнего. Но, возможно, справедливые возмущения господина де Ришелье заставили бы ее немного приструнить своих любимцев,

если бы дело не испортили сами люди кардинала. Десятеро из них напали на двоих телохранителей Генриетты, мирно ужинавших в трактире, причем так внезапно, что любимец принцессы, Бирруа, был убит на месте, не успев обнажить шпагу. Другой гвардеец успел вступить в бой и даже ранить двоих нападавших, но был изрублен обезумевшими врагами. И, хотя бедняга еще дышал, доктора мысленно его уже похоронили.

Эти нерадостные новости Бутвиль сообщил Генриетте как раз перед приходом Ришелье. Его Преосвященство выбрал неудачное время для визитов.

– Займитесь лучше своими убийцами, Ваше Преосвященство! – воскликнула принцесса в ответ на предложение кардинала утомить своих любимцев. – Мои люди дерутся на дуэлях, защищая свою честь, а ваши слуги убивают безоружных!

– Дворяне имеют право проливать свою кровь только на службе короля, – ответил кардинал, для которого выходка его приближенных стала неприятным сюрпризом. – А ваши гвардейцы нарушают заповеди Божьи и законы человеческие, убивая своих близких...

– Вам ли говорить о Боге, святой отец! – воскликнула принцесса, возмущенная подобным лицемерием. – Вы – такой же слуга Господа, как господин де Бутвиль, на которого вы всех собак готовы повесить, убийца и преступник!

– Объяснитесь, Ваше Высочество, – произнес Ришелье. – Вы оскорбляете слугу церкви!

– Ах, вот как... – задыхаясь, произнесла Генриетта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.